

ВИТАЛИЙ ИВАНОВ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

Виталий Иванов
Теория государства

«Территория будущего»

2010

Иванов В. В.

Теория государства / В. В. Иванов — «Территория будущего», 2010

В книге анализируются и переосмысливаются общие понятия государства, суверенитета, демократии, критикуются традиционные подходы к классификации форм государственного правления, государственного устройства и политического режима. Автор настаивает, что традиционная терминология («монархия», «республика», «федерация» и пр.) нуждается как минимум в уточнении, а как максимум в полной замене. Значительный раздел работы посвящен «реабилитации олигархии». По мнению автора, понятие «олигархия» должно выступать ключевым для отдельно взятой теории политического режима. Книга написана на стыке юриспруденции и политологии. Она адресована не только академическим ученым, преподавателям, профессиональным политикам, журналистам, специализирующимся на политических и правовых проблемах, но и аспирантам, студентам, всем, кто интересуется вопросами теории государства, теории политической системы и готов воспринимать критику «классических» определений.

© Иванов В. В., 2010

© Территория будущего, 2010

Содержание

От автора	5
I	6
1.	7
2.	10
3.	18
4.	20
5.	23
6.	29
7.	31
II	36
1.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виталий Иванов

Теория государства

Именно философия конкретной жизни не должна отступать перед исключением и экстремальным случаем, но должна в высшей степени интересоваться ими. Для нее исключение может быть более важно, чем правило, не из-за романтической иронии парадокса, но ввиду совершенно серьезного взгляда, который проникает глубже, чем ясные обобщения усредненных повторений. Исключение интереснее нормального случая. Нормальное не доказывает ничего, исключение доказывает все; оно не только подтверждает правило, само правило существует только благодаря исключению. В исключении сила действительной жизни взламывает кору застывшей в повторении механики.

Карл Шмитт

«Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете»

Возможно, нам также следует помнить, что изучение человека в обществе основано на конкретной человеческой истории и опыте, а не на чопорных профессорских абстракциях, не на туманных законах и произвольных системах. Тогда проблема исследования состоит в том, чтобы строить исследование на основании опыта, который подлежит прояснению и, возможно, претерпит в ходе исследования изменения.

Эдвард Вади Саид

«Ориентализм. Западные концепции Востока»

От автора

Современная теория государства, излагаемая в учебниках и преподаваемая в рамках соответствующих курсов будущим юристам, политологам, философам, исходит из того, что форма государства как общетеоретическое понятие и как политическая реальность может рассматриваться как сумма понятийных элементов. К числу таковых относят формы правления (государственного правления), устройства (государственного устройства) и режима (политического режима, порядка). Этот подход, безусловно, адекватный. Однако, по моему мнению, неадекватны широко распространенные представления о конкретных формах правления, устройства, режима. Неадекватны как историческому, так и современному опыту. Сами слова «монархия», «республика», «федерация», «демократия» превратились в клише, которые расставляют не задумываясь, руководствуясь некими якобы общеизвестными и вечными истинами. В данной работе изложены идеи, которые, думается, могли бы быть использованы для разработки новых классификаций форм правления, устройства и режима, а следовательно, для ревизии теории государства.

Свои рассуждения о формах правления, устройства и режима я решил сопроводить, с одной стороны, подробными описаниями понятий государства и суверенитета, а с другой – справочным очерком о российском (и советском) государственном опыте.

Работа была задумана междисциплинарной – на стыке юриспруденции и политологии, и межжанровой – как сборник научно-публицистических очерков и учебное пособие. Очень надеюсь, что студенты и аспиранты смогут почерпнуть из нее факты и интерпретации, которые подвигнут их к критическому переосмыслению того, чему их учили и учат.

I

Государство и его суверенитет

Обычно утверждается, что единого общепризнанного понятия государства не существует. С одной стороны, это действительно так. С другой стороны, никто не может поспорить с тем, что *государство*: 1) *есть объединение людей, организованное на властных началах*; 2) *немыслимо без территории*.

Государство представляет собой, во-первых, *властную, то есть политическую, организацию*, во-вторых, *территориальное образование, то есть территориальную организацию*. Совокупно – *территориальную политическую организацию*.

1.

Уже достаточно давно сложился относительный доктринальный консенсус об *обязательных элементах государства*. Это: 1) *люди*; 2) *территория*; 3) *публичная власть*.¹

Пройдусь по каждому пункту подробнее.

1) *Люди* – часть человеческой популяции, обособленная человеческая общность. Обособленная подчинением публичной власти, действующей в определенных территориальных границах, и, следовательно, представляющая собой территориальный коллектив. Обычно его называют «народом», я предпочитаю термин «народонаселение» (поскольку он лучше фиксирует, если угодно, территориальный аспект коллективности). Народонаселение дробится на различные субколлективы. Они могут иметь разные социальные и политические статусы (касты, сословия и пр.), а могут быть объединены единым статусом. В наши дни народонаселение, как правило, рассматривается как единая *нация*² – отсюда понятие «*национальное государство*» (*national state, é tat – nation*). Под нацией я в первую очередь понимаю *народонаселение, оформленное институтом гражданства (или подданства), организованное на началах полного или частичного гражданского и политического равноправия, культурно и политически сплоченное и объявляемое как на доктринальном, так и на нормативном уровне единым политическим субъектом*³.

2) *Территория* – часть Земли в пространственных границах (суши, а также воды, воздуха), в пределах которой осуществляется публичная власть. В прежние эпохи границы не проводились четко, к тому же народонаселение и носители власти могли перемещаться, вместе с ними перемещались и границы, отсюда, в частности, феномен кочевых государств. Сейчас большинство государств имеют фиксированные и взаимно признанные границы.

3) *Публичная власть* – сила: а) *организующая людей, объединяющая их в коллектив*; б) *внешняя по отношению к ним*; в) *самооформляющаяся правом, устанавливающая правопорядок*; г) *действующая в определенных территориальных пределах*. Здесь ничего не меняется тысячами.

(Как известно, в государстве могут постоянно проживать (причем в довольно значительном количестве) люди, не являющиеся его гражданами / подданными – имеющие гражданство / подданство другого государства, не имеющие никакого гражданства / подданства. Граждане государства могут жить за его пределами. Естественно, чужие граждане и апатриды не включаются в состав нации, хотя «технически» они могут и должны считаться частью народонаселения. А граждане, живущие за пределами своего государства, сохраняют свою национальную принадлежность вместе с гражданством. Люди, имеющие двойное гражданство, принадлежат к двум нациям, и т. д. Соответственно, получается, что, во-первых, власть государства, хотя бы и ограниченно, распространяется за пределы его территориальных границ (такое возможно и в ряде других случаев, к примеру, при аренде чужой территории, оккупации и т. д.). Во-вторых, на территории государства действуют правовые порядки других государств. Но это, конечно, не отменяет общего правила, связывающего государственную власть с определенной территорией. Без обладания своей территорией нельзя осуществлять власть на чужой.)

¹ См., например: *Еллинек Г. Общее учение о государстве*. СПб., 2004. С. 383 – 420; *Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве*/И. А. Ильин. Собр. Соч. В 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 117 – 129.

² *Без государства нет нации*. Можно, правда, говорить о «*протонациях*» – этнических, языковых и культурно-исторических общностях, проживающих на определенных территориях либо рассеянных, которые под руководством своих лидеров добиваются создания (воссоздания) государств для себя. Известны как успешные примеры (евреи и Израиль, поляки и Польша), так и неуспешные (курды, тамилы).

³ В доиндустриальную эпоху часто признавалась субъектность «народа».

Упрощенно говоря, *государство можно описывать как совокупность народонаселения (нации), территории и публичной власти*. При этом следует иметь в виду, что часто государством называют только *властный аппарат, государственный аппарат* – политическое руководство (главу государства, главу и членов правительства и т. д.), законодателей, чиновничество, армию, полицию, суды. И что властвует не государственный аппарат в целом, а его верхушка и не принадлежащие к аппарату, но участвующие в принятии и реализации властных решений политические и прочие лидеры и «decision makers» – властвующие. Они, если угодно, составляют *государство в узком смысле*. И, в конце концов, *история любого государства есть в первую очередь история власти, история аппарата государственной власти, властвующих и властвования*.

Однако все эти определения нуждаются в принципиальном дополнении. Ведь регион или муниципалитет также можно описать как совокупность народонаселения, территории и публичной власти, как территориальные политические организации. У них есть властные аппараты, есть властвующие. При этом государствами они не являются, поскольку их жители – граждане / подданные государства, их территории – составные части территории государства, а их власти так или иначе подчинены государственной власти. В свою очередь государство не признает над собой никакой внешней власти, во всяком случае человекоустановленной, во всяком случае теоретически и формально.

Возникает объективная необходимость дополнять описание государства указанием на его *суверенитет*, то есть, согласно «традиционным» определениям, на его *верховенство в собственных пределах, независимость и самостоятельность во внешних и внутренних делах*⁴. В отличие от любой другой власти, распространяющейся на те или иные территории внутри государства, на тех или иных жителей и / или их коллективы (субколлективы), государственная власть суверенна. Получается, таким образом, что *суверенитет делает государство государством. Государство есть суверен и суверен есть государство*.

Часто встречаются формулировки «внутренний суверенитет» и «внешний суверенитет». Такое деление суверенитета, на мой взгляд, абсурдно. *Суверенитет един и неделим, нельзя же быть суверенным во внутренних делах и несуверенным во внешних, и тем более наоборот*.

«Традиционные» определения суверенитета, как представляется, следует корректировать с учетом децизионистской доктрины Карла Шмитта. Он утверждал, что суверен тот, «*wer ü ber den Ausnahmezustand entscheidet*» («кто принимает решение о чрезвычайном положении») ⁵, «*wer f ü r den Fall zust ä ndig sein sollte, f ü r den keine Zust ä ndigkeit vorgesehen war*» («в чьей компетенции должен быть случай, для которого не предусмотрена никакая компетенция») ⁶. Иначе говоря, *государство, будучи источником права, не может и не должно быть безусловно связано им. Устанавливая нормы, оно вправе в исключительной ситуации не только изменять их, отменять (оно вправе делать это и в обычной ситуации), но и просто нарушать. Без этого права нет и не будет никакого подлинного верховенства, независимости, самостоятельности*. Естественно, речь идет не о государственно-правовом институте чрезвычайного положения и тем более не о практическом «праве на произвол», а о теоретическом (и потенциально практическом) праве государства в ситуации, нигде не описанной и никем не предусмотренной, изменить или отменить существующий правовой порядок, нарушить собственные установления, *выйти за пределы права, действовать вопреки праву*⁷.

⁴ См., например: Зорькин В. Д. Апология Вестфальской системы//Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 3. С. 1.

⁵ Schmit C. Politische Theologie: vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität. Berlin, 2009. S. 13; Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете//К. Шмитт. Политическая теология. М., 2000. С. 15. Впрочем, Александр Макутов утверждает, что точнее следовало бы перевести так: «кто принимает решения о введении чрезвычайного положения и на период его действия» (Гайда А. В., Макутов А. Б. Теология власти. Екатеринбург, 2001. С.79).

⁶ Schmit C. Politische Theologie. S.17; Шмитт К. Политическая теология. С. 22.

⁷ Согласно Шмитту, чрезвычайное положение означает «die Suspendierung der gesamten bestehenden Ordnung» («приоста-

Все сказанное в соответствующей мере *распространяется и на международный правопорядок*. В исключительной ситуации государство вправе в том числе освобождать себя от любых наложенных им ограничений. Без такого права также нет и не может быть верховенства, независимости, самостоятельности.

новление действия всего существующего порядка»). И далее: «Ist dieser Zustand eingetreten, so ist klar, daß der Staat bestehen bleibt, während das Recht zurücktritt. Weil der Ausnahmestand immer noch etwas anderes ist als eine Anarchie und ein Chaos, besteht im juristischen Sinne immer noch eine Ordnung, wenn auch keine Rechtsordnung. Die Existenz des Staates bewährt hier eine zweifellose Überlegenheit über die Geltung der Rechtsnorm. Die Entscheidung macht sich frei von jeder normativen Gebundenheit und wird im eigentlichen Sinne absolut. Im Ausnahmefall suspendiert der Staat das Recht, kraft seines Selbsterhaltungsrechtes, wie man sagt. Die zwei Elemente des Begriffes „Rechts-Ordnung“ treten hier einander gegenüber und beweisen ihre begriffliche Selbständigkeit. So wie im Normal-fall das selbständige Moment der Entscheidung auf ein Minimum zurückgedrängt werden kann, wird im Ausnahmefall die Norm vernichtet. Trotzdem bleibt auch der Ausnahmefall der juristischen Erkenntnis zugänglich, weil beide Elemente, die Norm wie die Entscheidung, im Rahmen des Juristischen verbleiben. [...] Es gibt keine Norm, die auf ein Chaos anwendbar wäre. Die Ordnung muß hergestellt sein, damit die Rechtsordnung einen Sinn hat. Es muß eine normale Situation geschaffen werden, und souverän ist derjenige, der definitiv darüber entscheidet, ob dieser normale Zustand tatsächlich herrscht. Alles Recht ist «Situationsrecht». Der Souverän schaf und garantiert die Situation als Ganzes in ihrer Totalität. Er hat das Monopol dieser letzten Entscheidung. Darin liegt das Wesen der staatlichen Souveränität, die also richtigerweise nicht als Zwangs- oder Herrschaftsmonopol, sondern als Entscheidungsmonopol... Der Ausnahmefall offenbart das Wesen der staatlichen Autorität am klarsten. Hier sondert sich die Entscheidung von der Rechtsnorm, und (um es paradox zu formulieren) die Autorität beweist, daß sie, um Recht zu schaffen, nicht Recht zu haben braucht» («Если это состояние наступило, то ясно, что государство продолжает существовать, тогда как право отходит на задний план. Поскольку чрезвычайное положение всегда есть еще нечто иное, чем анархия и хаос, то в юридическом смысле все же существует порядок, хотя и не правопорядок. Существование государства доказывает здесь на деле [свое] несомненное превосходство над действием правовой нормы. Решение освобождается от любой нормативной связанности и становится в собственном смысле слова абсолютным. В исключительном случае государство приостанавливает действие права в силу как принято говорить, права на самосохранение. Два элемента понятия „правопорядок“ здесь противостоят друг другу и доказывают свою понятийную самостоятельность. Подобно тому как в нормальном случае самостоятельный момент решения может быть сведен до минимума, в чрезвычайном случае уничтожается норма. Тем не менее исключительный случай также остается доступным для юридического познания, потому что оба элемента, как норма, так и решение, остаются в рамках юридического. [...] Не существует нормы, которая была бы применима к хаосу Должен быть установлен порядок, чтобы имел смысл правопорядок. Должна быть создана нормальная ситуация, и сувереном является тот, кто недвусмысленно решает, господствует ли действительно это нормальное состояние. Всякое право – это «ситуативное право». Суверен создает и гарантирует ситуацию как целое в ее тотальности. Он обладает монополией этого последнего решения. В этом состоит сущность государственного суверенитета, который, таким образом, юридически должен правильно определяться не как властная монополия или монополия принуждения, но как монополия решения... Исключительный случай выявляет сущность государственного авторитета яснее всего. Здесь решение обособляется от правовой нормы и (сформулируем парадоксально) авторитет доказывает, что ему чтобы создать право, нет нужды иметь право» (*Schmit C. Politische Theologie*. S. 18—19; *Шмитт К.* Политическая теология. С.25—26). Если говорить упрощенно, правопорядок произведен от порядка, а порядок также определяется властью суверена. Сущность суверенитета состоит в монополии политических решений. Нагляднее и убедительнее всего это демонстрируется при чрезвычайном положении. Собственно, на самом деле еще Жан Боден указывал, к примеру что суверен «не связан своим законом, так же как не связан клятвой, принесенной самому себе» (*Bodin J. Les sixlivres de la République*. P., 1608. L. I. Ch. viii. P. 133). А по утверждению Жан-Жака Руссо, «если бы суверен предписал себе такой закон, от которого он не мог бы себя освободить, – это противоречило бы самой природе Политического организма [государства. – В. И.]» (*Rousseau J. – J. Contrat social: ou Principes du Droit Politique*. Geneve, 1776. L. I. Ch. VII. P. 37; *Руссо Ж.-Ж.* Об Общественном договоре, или Принципы политического Права. Кн. 1. Гл. VIII//Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре. Трактаты. М., 2000. С.210). Аналогичные мысли можно найти и у Томаса Гоббса и пр. Так что Шмитт сформулировал свою доктрину не на пустом месте.

2.

Надо иметь в виду, что согласно господствующим современным представлениям государство либо учреждено его народонаселением-нацией, либо им «перестроено» по итогам революции, освободительной войны, «прогрессивных» реформ и что именно *нация является источником и первичным носителем власти, носителем суверенитета, сувереном*⁸. Нация реализует свою суверенную власть на выборах, референдумах и т. п. И государственный аппарат в принципе подчинен и подотчетен ей. Это называется *«народный суверенитет»*. Но одновременно нация в целом и каждый конкретный гражданин ограничены обязанностью подчиняться государственной власти, то есть правовым нормам, установленным государственным аппаратом, приказам последнего; обязанностью, подкрепленной соответствующими санкциями и ресурсами для их применения.

Здесь возникает непреодолимое противоречие. Если народонаселение-нация – суверен, то выходит, что суверен самоограничивает себя. Однако *если суверен ограничен кем– или кем–либо (хотя бы и самим собой), то он a priori перестает быть сувереном. И тем более суверен не может быть никому и никак подчинен. Безусловно, суверенитет не исключает поклонение Богу, подчинение Богу и богоустановленным инстанциям, соблюдение богоустановленных ограничений власти. Но подчинение любым земным, человеческим инстанциям, соблюдение человекоустановленных ограничений несовместимы с суверенитетом.*

Продолжая известную мысль Эдмунда Берка⁹, нужно констатировать, что *теория «народного суверенитета» находится в непримиримом, непреодолимом противоречии с понятиями власти и государства.*

Очевидно, что народонаселение (нация) не является сувереном. Более того, ему вообще не принадлежит и не может принадлежать никакая власть ни над собой, ни над кем– или чем–либо и уж тем более оно не способно быть никаким источником власти. Учения о том, что власть принадлежит народонаселению (нации) и даже им осуществляется, что «народная» власть суверенна, что суверенная власть исходит от народонаселения (нации), относятся к самым выдающимся мистификациям государственной теории.

Вместе с тем народонаселение (нация), конечно, субъектно. Хотя его субъектность «дисперсна». И она может проявляться и проявляется лишь эпизодически в особых случаях (выборы и т. п.).

Нужно ставить и обсуждать вопросы о *легитимности власти над народонаселением (нацией)*, то есть о *признании народонаселением (нацией) власти, о согласии народонаселения (нации) подчиняться власти, об обязанности власти (государственного аппарата) согласовыв-*

---

⁸ Соответствующее положение закреплено в Конституции России (ч. 1 ст. 3).

⁹ «Government is a contrivance of human wisdom to provide for human wants. Men have a right that these wants should be provided for by this wisdom. Among these wants is to be reckoned the want, out of civil society, of a sufficient restraint upon their passions. Society requires not only that the passions of individuals should be subjected, but that even in the mass and body, as well as in the individuals, the inclinations of men should frequently be thwarted, their will controlled, and their passions brought into subjection. This can only be done by a power out of themselves, and not, in the exercise of its function, subject to that will and to those passions which it is its office to bridle and subdue» («Государство – это мудрое изобретение человечества, предназначенное для обеспечения человеческих желаний. Люди имеют право на то, чтобы эта мудрость была направлена на удовлетворение их потребностей. Но государство требует, чтобы они сдерживали свои страсти и желания. Общество требует не только ограничения потребностей индивидуумов, но чтобы и в массе посягательства людей пресекались, их воля управлялась, а страсти сдерживались. Все это возможно только при наличии Власти, стоящей вне их, которая при выполнении своих функций не будет подвержена тем же страстям и желаниям, которые сама обязана подавлять и подчинять») (*Burke E. Reflections on the revolution in France: and on the proceedings in certain societies in London relative to that event. In a letter intended to have been sent to a gentleman in Paris. L., 1790. P. 88—89; Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993. С.71).*

вать свои действия с народонаселением (нацией), об институтах и практиках такого согласования и пр. Не менее и не более.

Не должны восприниматься всерьез теоретические рассуждения и конституционные установления о *передаче (делегировании) народонаселением своей власти*, всей без остатка или частично, временно или навечно (как подчас утверждалось в «доРуссоистские» времена, «народ»-де отдал всю свою суверенную власть монарху, поскольку не способен осуществлять ее сам либо по иной причине, и вернуть назад уже не сможет, а монарх волен дальше передавать ее по наследству¹⁰), о *народном представительстве*, *репрезентации «власти народа»* (как абсолютной, при которой представители действуют автономно от якобы делегировавшего их народонаселения¹¹, так и относительной, когда представители призваны руководствоваться волей народонаселения¹²) и т. п. Нельзя передать то, чего не имел, не имеешь и никогда не мог иметь. Народонаселение (нация) может лишь признавать власть над собой или не признавать, соглашаться или не соглашаться с тем, чтобы некие лидеры («свои» или, как часто бывало в прежние эпохи, «пришлые», в том числе завоеватели) властвовали над ним – вводили порядки, отдавали приказы. Суть пресловутого «общественного договора», если вообще уместно говорить о «договоре», – именно в признании и согласии. Ограниченность власти волей нации, право нации и отдельных граждан обращаться к власти просьбы или требования (и даже «право» на сопротивление власти, на восстание), ответственность власти перед нацией надо выводить как раз и только из признания и согласия. Власть представителя – производная власть, производная от другой власти, первичной. Если у народонаселения (нации) нет власти, то власть над ним не может рассматриваться как производная от «власти народа», а значит, нет никакой репрезентации.

Нелегитимность власти, ее непризнание народонаселением (нацией), несогласие с нею отнюдь не всегда выступали и выступают непреодолимым препятствием для властвования.

¹⁰ Например, об этом писал, ссылаясь на римскую доктрину, Боден (*Bodin J. Op. cit. L. I. Ch. viii. P. 127*). Гуго Гроций (де Гроот) риторически вопрошал: «[...] *quidni ergo populo sui juris liceat se unicuique, aut pluribus ita addicere, ut regendi sui ius in eum plane transcribat, nulla ejus juris parte retenta?*» («Так разве же не волен свободный народ также подчиниться кому угодно, одному или же нескольким лицам, перенеся таким образом на них целиком власть управления собой и не сохранив за собой ни малейшей доли этой власти?») (*Grotii H. De Jure Belli et Pacis Libri Tres. Cambridge, 1853. L. I. Ch. III. § 8. P. 114; Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права М., 1956. Кн. I. Гл. III. § viii. С. 128*) и т. д.

¹¹ У Гоббса теория абсолютного «народного представительства» изложена следующим образом. Множество людей становится одним лицом и, выражаясь современным языком, обретает субъектность, *когда это множество представлено*. Либо одним человеком. Либо коллективом людей. Единство лица обуславливается не единством представляемых, а единством представителя либо единством представителей, достигаемым при голосовании, которое выявляет позицию большинства, а значит, единую позицию представителей. «*A commonwealth [выделено здесь и далее Гоббсом. – В. И.] is said to be instituted when a multitude of men do agree, and covenant, every one with every one, that to whatsoever man, or assembly of men, shall be given by the major part the right to present the person of them all (that is to say, to be their representative;) every one, as well he that voted for it as he that voted against it, shall authorize all the actions and judgements of that man, or assembly of men, in the same manner as if they were his own, to the end to live peaceably amongst themselves, and be protected against other men*» («Мы говорим, что государство *установлено*, когда *множество* людей договаривается и *заключает соглашение каждый с каждым* о том, что в целях водворения мира среди них и защиты от других каждый из них будет признавать как свои собственные все действия и суждения того человека или собрания людей, которому большинство дает *право представлять* лицо всех (то есть быть их *представителем*) независимо от того, *голосовал ли он за или против них*). Таким образом, представитель полностью замещает представляемых и становится единственным выразителем их мнения. (*Hobbes T. Leviathan, or the Matter, Form, and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil. Oxford, 1998. P. 2. Ch. XVI, XVIII. P. 109, 115; Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Ч. II. Гл. XVI, xviii //Т. Гоббс. Соч. В 2 т. Т.2. М., 1991. С. 127, 134*). Определенно, *для обретения субъектности народонаселению не нужно никакого представительства*. Способность пользоваться предоставленными правами, предоставленными возможностями признавать или не признавать власть, соглашаться с ней или не соглашаться и есть субъектность. Те, кого называют «представителями», могут на самом деле находиться в некоей зависимости от народонаселения, быть каким-то образом связаны его волей, современная демократия (которую, будем справедливы, Гоббс не мог и вообразить) предоставляет для этого немало нормативных и практических возможностей. Но эти властвующие не получают власть от народонаселения и *не представляют* его. Они устанавливают власть, берут власть, им ее дают (другие лидеры, правители, властвующие и пр.) – с согласия народонаселения либо без такового.

¹² Для обеспечения этого были придуманы институты «императивного мандата», отзыва и пр.

История полна примеров завоеваний, узурпаций и переворотов, она знала множество успешных тиранов.

Почему народонаселение (нация) не властно над собой? Прежде всего потому, что, как ни вульгарно это звучит, его попросту *много*. Договориться между собой о чем-либо действительно серьезном и тем более обеспечить выполнение этих договоренностей даже сотня людей порой не способна. Что уж говорить про тысячу, тысячи, а тем более десятки тысяч, сотни тысяч, миллионы? (не случайно все теоретики «общественного договора» старательно обходили вопрос о технической стороне его заключения.) им объективно необходимо иметь *внешнюю власть над собой*. Публичная власть, государственная власть – всегда внешняя власть.

Внешняя власть предполагает добровольное или принудительное подчинение некоей внешней инстанции. Пусть и в случае государства условно внешней, поскольку каждый правитель, любые властвующие, как бы они официально ни позиционировались, принадлежат к народонаселению, к нации. Без подчинения государственной власти не бывает, «до» подчинения она в принципе невозможна¹³.

¹³ Джон Локк, классик теории либерализма, утверждал: «Men being [...] by nature, all free, equal, and independent, no one can be put out of this estate, and subjected to the political power of another, without his own consent. The only way whereby any one divests himself of his natural liberty, and puts on the *bonds of civil society* [выделено здесь и далее Локком. – В. И.], is by agreeing with other men to join and unite into a community, for their comfortable, safe, and peaceable living one amongst another, in a secure enjoyment of their properties, and a greater security against any, that are not of it. Tis any number of men may do, because it injures not the freedom of the rest; they are left as they were in the liberty of the state of nature. When any number of men have so *consented to make one community or government*, they are thereby presently incorporated, and make *one body politic*, wherein the *majority* have a right to act and conclude the rest» («Поскольку люди являются [...] по природе свободными, равными и независимыми, то никто не может быть выведен из этого состояния и подчинен политической власти другого без своего собственного согласия. Единственный путь, посредством которого кто-либо отказывается от своей естественной свободы и *надевает на себя узы гражданского общества*, – это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить... Это может сделать любое число людей, поскольку здесь нет ущерба для свободы остальных людей, которые, как и прежде, остаются в естественном состоянии свободы. Когда какое-либо число людей таким образом *согласилось создать сообщество* или государство, то они тем самым уже объединены и составляют *единый политический организм*, в котором *большинство* имеет право действовать и решать за остальных»). И еще: «Whosoever [...] out of a state of nature unite into a *community*, must be understood to give up all the power, necessary to the ends for which they unite into society to the *majority* of the community unless they expressly agreed in any number greater than the majority. And this is done by barely agreeing to *unite into one political society*, which is *all the compact* that is, or needs be, between the individuals, that enter into, or make up a *common-wealth*. And thus that, which begins and actually *constitutes any political society*, is nothing but the consent of any number of freemen capable of a majority to unite and incorporate into such a society. And this is that, and that only which did, or could give beginning to any *lawful government* in the world („[...] все, кто из естественного состояния объединяется в *сообщество*, отказываются в пользу *большинства* этого сообщества от всякой власти, необходимой для осуществления тех целей, ради которых они объединились в общество... И все это совершается посредством одного лишь согласия на *объединение в единое политическое общество*, а это и есть весь тот *договор*, который существует или должен существовать между личностями, вступающими в *государство* или его создающими. И таким образом, то, что является началом *всякого политического общества* и фактически его *составляет*, – это всего лишь согласие любого числа свободных людей, способных образовать большинство, на объединение и вступление в подобное общество. И именно это, и только это, дало или могло дать *начало* любому *законному правлению* в мире») (Locke J. The Two Treatises of Civil Government. L., 1821. В. II. Ch. VIII. § 95, 99. P. 269 – 270, 272; Локк Д. Два трактата о правлении. Кн. II. Гл. VIII. § 95, 99//Д. Локк Соч. В 3 т. Т. 3. М., 1988. С.317, 319). Иначе говоря, по Локку *согласие народонаселения на передачу власти*, создающее государство, есть первичное согласие, и из него он вывел вторичное *согласие подчиняться* государству. Мысль о том, что народ *согласно подчиняться не может, и не должно предшествовать никакое согласие на передачу власти* (каковой «еще» просто нет!), ему и другим либералам, естественно, органически чужда. Не вполне понимают они или не хотят понять и то, что вопрос о «законности» властвования не стоит связывать с вопросом о самой природе власти и властвования. Показательная цитата из Декларации независимости США 1776 г.: «We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal, that they are endowed by their Creator with certain unalienable Rights, that among these are Life, Liberty and the pursuit of Happiness. That to secure these rights, Governments are instituted among Men, deriving their just powers from the consent of the governed, That whenever any Form of Government becomes destructive of these ends, it is the Right of the People to alter or to abolish it, and to institute new Government, laying its foundation on such principles and organizing its powers in such form, as to them shall seem most likely to effect their Safety and Happiness» («Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых. В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье») (http://www.archives.gov/exhibits/charters/declaration_transcript.html; www.hist.msu.ru/ER/Text/indpdnc.htm).

Семен Франк писал, что властвование «есть отношение двустороннее: не один властвующий, но властвующий и подчиненный совместно входят в отношения властвования и активно его строят»¹⁴. Мысль в целом верная, только чтобы подчиняться, далеко не всегда нужно осознанно выразить свое признание конкретной власти и согласие с нею, то есть совершить соответствующее волеизъявление. Для подчинения бывает достаточно лишь внутреннего признания существующего порядка вещей, составными частями которого выступают власть как таковая и конкретная власть, внутреннего согласия с повседневностью. С другой стороны, как утверждал Шмитт, «власть даже там, где она исполняется с полного согласия всех подвластных, имеет еще некое собственное значение, так сказать, «прибавочную ценность»¹⁵. Она есть нечто большее, чем сумма всех получаемых ею согласий, а также больше, чем их продукт».¹⁶

Провозглашаться с трибун, записываться в декларациях, законах, а также в учебниках может все что угодно. Но разбирая сами основы *теории* государства, объясняя саму сущность государственной власти, следует сохранять максимальную научную честность.

Очевидно, что государственная власть нуждается в *официальном обосновании* (доктринальном, юридическом, идеологическом). «официально обосновать» в данном случае значит сознательно исказить суть. И понятно, что часто бывает политически полезно мистифицировать народонаселение (нацию), *формально «вменяя»* ему суверенитет, первичную власть и прочее и объявляя власть правителей, законодателей, чиновников производной от «власти народа», а их самих – «народными представителями». Это открыли в античную эпоху, а может, даже еще раньше. (Здесь я беру в скобки вполне искренние заблуждения множества теоретиков по этому поводу – «демофилия», «народолюбство» есть неизлечимая болезнь интеллектуалов¹⁷.) вовсе не обязательно разоблачать эти мистификации везде и всюду. Достаточно просто знать истинную цену соответствующим словам и, как уже сказано, не воспринимать их всерьез.¹⁸

¹⁴ Франк С. Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. // С. Л. Франк Духовные основы общества. М., 1992. С. 138.

¹⁵ Принято переводить термин «Mehrwert» как «прибавочная стоимость». Но переведивший цитируемый текст Шмитта Александр Филиппов предпочел другую версию.

¹⁶ Шмитт К. Разговор о власти и доступе к властителю // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. №2. С. 29.

¹⁷ Об этом см. Также главу IV.

¹⁸ Шмиттом была предложена довольно оригинальная теория, противопоставляющая представительство (Repräsentation) и тождество (Identität). Она достойна того, чтобы воспроизвести ее здесь относительно подробно. «Staat ist ein Zustand, und zwar der Zustand eines Volkes. Aber das Volk kann auf zwei verschiedene Weisen den Zustand politischer Einheit erreichen und halten. Es kann schon in seiner unmittelbaren Gegebenheit – kraft einer starken und bewußten Gleichartigkeit, infolge fester natürlicher Grenzen oder aus irgendwelchen anderen Gründen – politisch aktionsfähig sein. Dann ist es als realgegenwärtige Größe in seiner unmittelbaren Identität [выделено здесь и далее Шмиттом. – В. И.] mit sich selbst eine politische Einheit. Dieses Prinzip der Identität des jeweils vorhandenen Volkes mit sich selbst als politischer Einheit beruht darauf, daß es keinen Staat ohne Volk gibt und ein Volk daher als vorhandene Größe immer wirklich anwesend sein muß. Das entgegengesetzte Prinzip geht von der Vorstellung aus, daß die politische Einheit des Volkes als solche niemals in realer Identität anwesend sein kann und daher immer durch Menschen persönlich repräsentiert werden muß. Alle Unterscheidungen echter Staatsformen welcher Art sie auch sein mögen, Monarchie, Aristokratie und Demokratie, Monarchie und Republik, Monarchie und Demokratie usw., lassen sich auf diesen entscheiden Gegensatz von Identität und zurückführen. [...] In der Wirklicher des politischen Lebens gibt es ebensowenig einer Staat, der auf alle Strukturelemente des Prinzips der Identität wie einer Staat, der auf alle Strukturelemente der Repräsentation verzichten könnte. Auch da, wo der Versuch gemacht wird, unbedingt eine absolute Identität zu realisieren, bleiben Elemente und Methoden der Repräsentation unumgänglich, wie umgekehrt keine Repräsentation ohne Identitätsvorstellungen möglich ist. [...] Es gibt zunächst keinen Staat ohne Repräsentation. In einer restlos durchgeführten unmittelbaren Demokratie, in der das «ganze Volk», d. h. alle aktiven Staatsbürger, auf einem Platz wirklich versammelt ist, entsteht vielleicht der Eindruck, hier handele das Volk selbst in seiner unmittelbaren Anwesenheit und Identität als Volk und von einer Repräsentation könne mehr die Rede sein. [...] In Wahrheit handeln äußerstenfalls nur alle erwachsenen Angehörigen des Volkes und nur dem Augenblick, in welchem sie als Gemeinde oder als Heer versammelt sind. Aber auch alle aktiven Staatsbürger zusammengenommen, sind nicht als Summe die politische Einheit des Volkes, sondern repräsentieren die politische Einheit, die über eine räumlich zusammengebrachte Versammlung und über den Augenblick der Versammlung erhaben ist. [...] Noch viel mehr muß es sich einer modernen Demokratie, in welcher ohne Volksversammlung in geheimer Einzelabstimmung gewählt oder abgestimmt wird, ohne weiteres aufdrängen, daß der einzelne Stimmberechtigte der Idee nach nicht für sich als Privatperson stimmt, daß der einzelne Wahlkreis nicht einen Sonderbezirk innerhalb des Staates darstellt und daß (bei Verhältniswahlssystem mit Listen) die einzelne Parteiliste staatrechtlich nicht ihrer selbst willen da ist, sondern nur als Mittel, um eine Repräsentation der allein

Рассмотрим «особо показательные» случаи. Допустим, нация на референдуме высказалась против по некоему принципиальному вопросу например, против принятия новой Конституции. Или же на выборах нация проголосовала против действующего главы государства. Поборники «народовластия», «народного суверенитета» и т. п., конечно, заявят, что в данных

wesentlichen politischen Einheit zu erreichen [...] Wenn die stimmberechtigten Staatsbürger nicht einen Abgeordneten wählen, sondern bei einem Volksentscheid einem sog. Real-Plebiszit, in der Sache selbst entscheiden und auf eine ihnen vorgelegte Frage mit «Ja» oder «Nein» antworten, ist allerdings das Prinzip der Identität am meisten verwirklicht. Aber auch dann bleiben immer noch Elemente der Repräsentation wirksam, weil auch hier fingiert werden muß, daß der einzelne stimmberechtigte Staatsbürger als «citoyen», nicht als Privatmann und Privatinteressent auftritt; er muß als «Vertreter des Ganzen», nicht seiner Privatinteressen, gedacht werden. Eine restlose, absolute Identität des jeweils anwesenden Volkes mit sich selbst als politischer Einheit ist an keinen Ort in keinem Augenblick vorhanden. Jeder Versuch, eine reine oder unmittelbare Demokratie zu verwirklichen, muß diese Grenze der demokratischen Identität beachten. Sonst würde unmittelbare Demokratie nichts anders bedeuten als Auflösung der politischen Einheit. [...] In gleicher Weise gibt es keinen Staat ohne Strukturelemente des Prinzips der Identität. Das Formprinzip der Repräsentation kann niemals rein und absolut, d. h. unter Ignorierung des immer irgendwie vorhandenen und anwesenden Volkes durchgeführt werden. Das ist schon deshalb unmöglich, weil es keine Repräsentation ohne Öffentlichkeit, keine Öffentlichkeit ohne Volk gibt». («Государство есть состояние, причем состояние народа. Однако народ может двумя различными способами добиться и сохранить состояние политического единства. Он может быть политически дееспособен уже в своей непосредственной данности – в силу сильной и осознанной однородности, вследствие устойчивых природных границ и по каким-либо иным причинам. Тогда он является политическим единством в качестве реально существующей в настоящем величины в своем непосредственном *тождестве* с самим собой. Этот принцип тождества конкретно наличного народа с самим собой как политическим единством основан на том, что не существует государства без народа и потому народ всегда должен действительно присутствовать в качестве наличной величины. Обратный принцип исходит из установки, что политическое единство народа как таковое никогда не может быть наличным в реальном тождестве и потому всегда должно *представляться* людьми персонально. Все различия подлинных государственных форм, каково бы рода они ни были: монархия, аристократия и демократия, монархия и республика, монархия и демократия и т. п., могут быть сведены к этому решающему противоречию *тождества и репрезентации*. [...] В действительности политической жизни столь же не существует государства, способного отказаться от всех структурных элементов принципа тождества, сколь и государства, способного отказаться от всех структурных элементов принципа репрезентации. Даже там, где предпринимается попытка безусловно реализовать абсолютное тождество, неизбежными остаются элементы и методы репрезентации, как и наоборот – никакая репрезентация невозможна без представлений о тождестве. Прежде всего без репрезентации не существует никакого государства. В до конца реализованной непосредственной демократии, при которой в одном месте действительно собирается „весь народ“, то есть все активные граждане государства, вероятно, возникает впечатление, что здесь действует сам народ в своей непосредственной наличности и тождестве как народ и что уже не может идти речи о репрезентации. [...] В действительности в крайнем случае действуют лишь все взрослые члены этого народа и лишь в тот момент, когда они собираются вместе в качестве общины или в качестве войска. Но даже все активные граждане государства, вместе взятые, не являются в качестве суммы политическим единством народа, но репрезентируют политическое единство, которое возвышается над пространственно объединенным собранием и над моментом собрания. [...] А в современной демократии, при которой выборы или голосование происходят без народного собрания посредством тайного всеобщего голосования, еще в большей степени необходимо настаивать на том, что согласно идее отдельный избиратель голосует не за себя как частную личность, что отдельный избирательный округ представляет не отдельную территорию внутри государства и что (при пропорциональных выборах по спискам) отдельный партийный список с точки зрения государственного права наличествует не ради себя самого, а лишь как средство добиться репрезентации собственно значимого политического единства. [...] Если обладающие правом голоса граждане государства не избирают отдельного депутата, а в случае референдума, так называемого реального плебисцита, решают по самому существу вопроса и отвечают на предложенный им вопрос посредством «да» или «нет», тогда максимально реализуется принцип тождества. Но даже в этом случае всегда остаются действительными элементы репрезентации, поскольку и здесь должно осуществляться то, что каждый обладающий правом голоса гражданин государства выступает как «citoyen», а не как частное лицо и частный интересант; он должен мыслиться как «независимый», как «не связанный указаниями и поручениями» и как «представитель целого», а не своих частных интересов. Окончательного, абсолютного тождества соответственно наличествующего народа с самим собой как политическим единством никогда и нигде не существует. Любая попытка осуществить чистую или непосредственную демократию должна учитывать эту границу демократического тождества. Иначе непосредственная демократия означала бы не что иное, как распад политического единства. [...] Равным образом не существует государства без структурных элементов принципа тождества. Репрезентационный принцип формы никогда не может быть осуществлен чисто и абсолютно, то есть игнорируя всегда каким-либо образом наличный и присутствующий народ. Это невозможно уже потому что нет репрезентации без общественности, а общественности – без народа») (Schmit C. Verfassungslehre. Berlin, 2003. S. 205 – 208). Шмитт, как можно убедиться, рассуждал тоньше и, главное, «диалектичнее», чем современные теоретики прямой (непосредственной) и представительной демократии. Конечно, даже такая теория годится больше для обоснования власти, а не для ее объяснения. Вместе с тем если к объяснению власти подойти опять же диалектически, то можно сделать вывод, что для *подчинения народонаселения власти необходимо теоретическое представление о тождестве, то есть о способности народонаселения действовать «в своей непосредственной данности»*. И в реальности подчинение осуществляется через репрезентацию, то есть *представительство политического единства народонаселения определенным числом политически активных граждан*. Например, избирателями, явившимися на избирательные участки. Таким образом, народонаселение представляют не президенты, губернаторы, депутаты, а те, кто приходит их выбирать. То есть народонаселение теоретически субъектно в своем всеобщем политическом единстве, а практически эту субъектность реализуют представители.

случаях все это было исчерпывающе проявлено. В действительности же «народ» просто не согласился с властью и / или вообще отказал ей в признании. Это не властные и тем более не суверенные решения. Это «мнения», «позиции», самое большее – «предрешения». Суверенные решения появятся тогда, когда властвующие, подлинные властвующие, в свою очередь, согласятся с «мнениями», «предрешениями». Заставить их согласиться нация не способна. «властвовать – значит, повелевать безусловно и быть в состоянии принуждать к исполнению» – писал георг елли-нек¹⁹ (специально цитирую здесь либерального автора). Нация не «повелела безусловно». Она вообще не повелела. И она не в состоянии принудить к исполнению. То есть о властвовании и суверенитете здесь нет даже речи. Если властвующие согласятся (и конституция не будет принята и введена в действие каким-нибудь иным образом, а глава государства уйдет в отставку), то они подчинятся чему угодно, но только не волеизъявлению нации – писанным законам, традициям, политической конъюнктуре, зАрубежному давлению, собственному страху перед ответственностью и т. д. А могут не согласиться. И настоять на своем, принудить посредством силового давления, убеждения, политтехнологических манипуляций. Несогласие может спровоцировать протестные выступления (митинги, забастовки). Но даже если они заставят властвующих согласиться с «мнениями» либо пойти на какой-то компромисс, все равно нельзя будет говорить ни о какой «народной власти». Потому что, во-первых, протестующие – это *толпа*. А толпа – не нация и не ее представитель. Во-вторых, за любой толпой всегда стоит и манипулирует ею в своих интересах некая группа властвующих или претендентов на власть. Перефразируя Карла Филиппа Готтлиба фон Клаузевица, «уличная политика» – это продолжение элитной политики, т. е. Собственно политики другими средствами. Даже если толпа сформировалась стихийно, она обязательно будет кем-то возглавлена и использована. А если же толпа выйдет из-под контроля, то в самом худшем случае возникнет всего лишь кратковременное состояние *безвластия*.

По моему убеждению, следовало бы исходить из того, во-первых, что *государственная власть и суверенитет имеют божественный источник. Как учит апостол Павел, «нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1)*²⁰. Или же что *источником государственной власти и суверенитета выступает объективная, природная потребность в них, в суверенной политической организации. То есть либо, как отмечал Берк, государство пожелал Бог*²¹, либо государство «неизбежно», поскольку альтернатива ему лишь одна – гоббсовская «*bellum omnium contra omnes*» («война всех против всех»). Эти подходы, впрочем, могут интерпретироваться не только во взаимоисключающем ключе, но и во взаимодей-

¹⁹ Еллинек Г. Указ. Соч. С. 415.

²⁰ Св. Иоанн Златоуст в своем комментарии к данному фрагменту Евангелия указывает: «„Ибо нет власти не от Бога“, – говорит (апостол). Как это? Неужели всякий начальник поставлен от Бога? «Не то говорю я», отвечает (апостол). У меня теперь идет речь не о каждом начальнике в отдельности, но о самой власти. Существование властей, при чем одни начальствуют, а другие подчиняются, и то обстоятельство, что все происходит не случайно и произвольно, так чтобы народы носились туда и сюда, подобно волнам, – все это я называю делом Божьей Премудрости. Потому (апостол) и не сказал, что нет начальника, который не был бы поставлен от Бога, но рассуждает вообще о существе власти и говорит: «Нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены». [...] А безначалие везде есть зло, и бывает причиной беспорядка. Апостол, сказав, откуда возникают власти, присовокупил: «Посему противящийся власти противится Божию установлению» (Рим. 13:2). Смотри, куда он ведет дело, чем устрашает и как доказывает, что повиноваться – наша обязанность. Чтобы верующие не сказали: ты нас унижаешь и делаешь презренными, подчиняя начальникам тех, которые должны получить небесное царство, (апостол) доказывает, что и в настоящем случае он подчиняет их не начальникам, но опять Богу, так как подчиняющийся властям повинуется Богу. Впрочем, (апостол) не говорит это в таких, например, словах: кто слушается начальников, тот повинуется Богу, но устрашает противоположным и то же самое подтверждает с большей силой, сказав: кто не повинуется начальнику, тот противится Богу, узаконившему это. И он везде старается внушать это, то есть, что мы не дарим властям повиновение, но исполняем долг» (Св. Иоанн Златоуст. Беседы на Послание к Римлянам. Беседа 23 //http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z09_2/Z09_2_23.htm).

²¹ «They conceive that He who gave our nature to be perfected by our virtue willed also the necessary means of its perfection. He willed therefore the state – He willed its connection with the source and original archetype of all perfection» (Burke E. Op. cit. P. 146).

полняющем²². Поскольку, несомненно, сама потребность в государстве появилась у людей по мере их удаления от послушания Богу как устроителю земной жизни.²³

Во-вторых, что *носитель суверенитета – государство в целом*.²⁴

В-третьих, что *суверенную власть реализует государственный аппарат, выражая и защищая интересы государства (закрывающиеся в первую очередь в сохранении и укреплении самого государства), опираясь на признание и согласие народонаселения (нации) либо не опираясь*²⁵. Говоря точнее, *суверенную власть государства в интересах государства реализуют, опираясь на признание и согласие народонаселения (нации) либо обходясь без такой опоры, правители и иные властвующие. В каждом государстве обязаны быть и обязательно есть люди, которые могут ответственно сказать: «L'Etat c'est nous» («Государство – это мы»)*.²⁶

²² В любом случае нельзя забывать, что собственно «левиафановская» доктрина Гоббса по своему содержанию и духу нехристианская.

²³ «Кто верит во всемогущего доброго Бога, не может объявить власть злой и даже нейтральной. [...] Примечательно, что тезис о злой власти распространяется именно начиная с XIX века. Мы-то ведь думали, что если власть не происходит ни от Бога, ни от природы, но представляет собой нечто такое, о чем люди условливаются между собой, то проблема власти будет решена или же лишена своей остроты. Чего же еще бояться человеку, если Бог мертв, а волком не напугать даже ребенка? Но именно с того времени, как это очеловечивание власти, видимо, завершилось, то есть со времени Французской революции, неотвратимо все более распространенным становится убеждение, что власть сама по себе есть зло. Выражение „Бог мертв“ и выражение «Власть сама по себе есть зло» возникают в одно время и в одной ситуации. И означают они, по сути, одно и то же» (*Шмитт К.* Разговор о власти и доступе к властителю. С. 34—35).

²⁴ Идея целостности государства была блестяще разработана Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем (кстати, убежденным монархистом). Приведу только одну цитату: «Aber Volkssouveränität, als im Gegensatz gegen die im Monarchen existierende Souveränität [выделено здесь и далее Гегелем. – В. И.] genommen, ist der gewöhnliche Sinn, in welchem man in neueren Zeiten von Volkssouveränität zu sprechen angefangen hat, – in diesem Gegensatz gehört die Volkssouveränität zu den verworrenen Gedanken, denen die *wüste* Vorstellung des Volkes zugrunde liegt. Das Volk, ohne seinen Monarchen und die eben damit notwendig und unmittelbar zusammenhängende Gliederung des Ganzen genommen, ist die formlose Masse, die kein Staat mehr ist und der keine der Bestimmungen, die nur in dem in sich geformten Ganzen vorhanden sind – Souveränität, Regierung, Gerichte, Obrigkeit, Stände und was es sei mehr zukommt. Damit, daß solche auf eine Organisation, das Staatsleben, sich beziehende Momente in einem Volke hervortreten, hört es auf, dies unbestimmte Abstraktum zu sein, das in der bloß allgemeinen Vorstellung Volk heißt» ([...] в новейшее время о народном суверенитете обычно стали говорить как о *противоположном существующему в монархе суверенитете*, — в таком противопоставлении представление о народном суверенитете принадлежит к разряду тех путанных мыслей, в основе которых лежит *пустое* представление о народе. *Народ*, взятый без своего монарха и необходимо и непосредственно связанного именно с ним *расчленения* целого, есть бесформенная масса, которая уже не есть государство и не обладает больше ни одним из определений, наличных только в сформированном *внутри себя* целом, не обладает суверенитетом, правительством, судами, начальством, сословиями и чем бы то ни было. В силу того, что в народе выступают такие относящиеся к организации государственной жизни моменты, он перестает быть той неопределенной абстракцией, которую только в общем представлении называют *народом*)» (*Hegel G. W. F. Grundlinien der Philosophie des Rechts*. Berlin, 1821. S. 287 – 288; *Гегель Г. В. Ф. Философия права*. М., 1990. С. 320—321). Если заменить «монарх» на «государственный аппарат» или «властвующих», то суть принципиально не изменится.

²⁵ Николай Устрялов писал, что «для суверенитета государства безразлично [...] какими органами он осуществляется: монархом ли, аристократией, парламентом или советом депутатов. Власть государства – одно, а государственный строй – другое. Если первая всегда равна себе, принудительна, верховна, непроеводна и абсолютна, то второй, конкретно воплощая первую, складывается в зависимости от политических условий жизни страны. Органов государства много, суверенитет его – „един, неотчуждаем, неделим“» (*Устрялов Н. В.* Элементы государства// <http://www.zhurnal.ru/magister/library/philos/ustryalov/ustr002.htm>). Необходимо только одно принципиальное уточнение: определение государственной власти как «непроизводной» следовало бы интерпретировать как указание на ее непроизводность от любых человеческих, земных инстанций.

²⁶ Формулировка предложена Шмиттом, правда, он употребил ее в контексте своей теории тождества и репрезентации (*Schmit C. Verfassungslehre*. S.207). Николай Алексеев, заостряя (сознательно или нет?) децизионистскую теорию Шмитта, писал, что «суверенитет [...] в его единственно возможном научном истолковании является понятием, выражающим иерархичность отношений между официальными носителями власти в государстве и утверждающим, что в этих отношениях должна быть некая высшая точка, некий высший центр действия, обладающий способностью последних решений» (*Алексеев Н. Н.* О гарантийном государстве//Н. Н. Алексеев. Русский народ и государство. С.540). Такой «высшей точкой» теоретически может быть глава государства (если он правитель не только формальный, но и фактический). А обычно в таковом качестве выступает правящая группа, состоящая из официальных и неофициальных лиц. При этом помимо прямой власти правителя или правящей группы есть власть косвенная, осуществляемая их окружением. Она вносит весьма существенную лепту. Об этом писал и тот же Шмитт: «Даже самый абсолютный монарх вынужден опираться на сообщения и донесения и зависит от своих советников. Несчетное множество известий и фактов, предложений и предположений наваливается на него день за днем, час за часом. Из этого бесконечного бушующего моря истины и лжи, действительного и возможного даже самый умный и могущественный человек может набрать в лучшем случае лишь несколько капель. [...] Кто докладывает властителю или сообщает ему информацию, тот уже имеет свою долю власти, все равно, будь он министр, уполномоченный визировать [документы],

---

или же некто, умеющий косвенным образом склонить к себе слух властителя. Довольно того, что он сообщает впечатления и мотивы тому человеческому индивиду, в руках которого на мгновение оказывается решение. Так всякая прямая власть сразу же подвергает себя непрямым влияниям. [...] даже самый мудрый институт, самая хорошо продуманная организация не смогут полностью искоренить это предпространство, никакой приступ ярости [...] не смогут устранить его окончательно. Самое предпространство обойти не удастся. [...] В любом случае в ходе мировой истории в этом предпространстве власти составлялось пестрое и смешанное общество. Здесь собираются „косвенные“. Здесь мы встречаем министров и послов в роскошных мундирах, но также духовников и личных врачей, адъютантов и секретарш, камердинеров и любовниц. Здесь старый Фредерсдорф, камердинер Фридриха Великого, стоит подле благородной императрицы Августы, Распутин – рядом с кардиналом Ришелье, а серый кардинал – с какой-нибудь Мессалиной. Иногда в этом предпространстве находятся разумные и мудрые мужи, иногда – выдающиеся менеджеры или верные мажордомы, порой – глупые карьеристы и шарлатаны. Вдруг предпространство оказывается действительно официальной государственной палатой, в которой для доклада собираются достойные господа в ожидании, когда их пропустят дальше. Но частенько это не более чем приватный кабинет. [...] Чем больше власть концентрируется в определенном месте, у определенного человека или группы людей, как на верхушке, тем больше обостряется проблема «коридора» и доступа к этой верхушке. И тем яростнее, отчаяннее и молчаливее становится тогда борьба меж теми, кто оккупировал предпространство и контролирует «коридор». Эта борьба в тумане не прямых влияний столь же неизбежна, сколь и существенна для любой человеческой власти. [...] Каждое усиление прямой власти сгущает и уплотняет марево не прямых влияний» (*Шмитт К.* Разговор о власти и доступе к властителю. С. 31 – 32).

3.

*Сущность государства – организация людей в территориальных пределах, то есть руководство людьми в территориальных пределах, то есть властвование над людьми, их подчинение в пределах определенной территории*²⁷. Эта сущность всегда оставалась неизменной. И тогда, когда долгие века государства ограничивались минимальным объемом компетенции, устанавливали лишь самые общие рамки поведения своих подданных, зачастую могли осуществлять лишь фрагментарный контроль над своей территорией, не монополизировали ни политику, ни правосудие, ни сбор ренты, ни даже применение вооруженной силы в своих границах²⁸. И когда по мере развития, с одной стороны, техники, а с другой — культуры государства смогли постепенно консолидировать территориальный контроль и сконцентрировать в своих руках распределение ключевых ресурсов, политическую, военную, полицейскую и судебную власть. И когда государства полностью подчинили себе экономику, образование, культуру и даже подчас, насколько возможно, духовную жизнь, когда появились «социальные государства», «государства всеобщего благоденствия», «тотальные государства» и пр. Сущность государства не изменится и в том случае, если оно, как предсказывают многие теоретики²⁹, не справляясь со взятыми на себя функциями и обязательствами, в первую очередь социальными, будет вынуждено отступить с занятых позиций, передать («возвратить») часть своей нынешней власти другим политическим и неполитическим организациям.

*Вместе с тем государство не может быть и не было никогда единственным носителем власти в своих территориальных пределах. Даже самые централизованные и «тотальные» государства допускали и даже культивировали, пусть и вынужденно, пусть и в минимальных пределах, пусть и формально, территориальное, корпоративное и т. п. Самоуправление, субуправление. Суверенитет – это не монополия на власть, не монополия на принуждение, но это статус главной и высшей земной инстанции в соответствующих территориальных пределах, инстанции, принимающей конечные и последние решения.*³⁰

Кстати, раз об этом зашла речь, любое самоуправление надлежит понимать не в смысле права соответствующих коллективов самостоятельно решать свои вопросы, а как право неких лидеров выступать властной инстанцией для этих коллективов, добиваясь признания и согла-

²⁷ Многие западные теоретики утверждали и утверждают, что государство есть якобы продукт исключительно Европейского прогресса, да и в самой Европе оно-де зародилось лишь примерно в XIV, XV, XVI или даже XVII в. (каждый считает по-своему) – в результате успешной борьбы французской, английской и некоторых других монархий с имперским и папским универсализмом и феодальным и коммунальным партикуляризмом. Такого заблуждения не избежал, в частности, Шмитт (*Шмитт К.* Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа. СПб., 2006. С. 151 – 152; *Он же.* Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб., 2008. С.47). Данная концепция в ее современном изводе подробно и популярно расписана Мартином ван Кревельдом. Впрочем, он еще достаточно «умерен» и утверждает, что «Европейское» государство было с переменным успехом «экспортировано» в другие регионы мира (*Кревельд М. Ван.* Расцвет и упадок государства. М., 2006. С. 81 –157, 325—411). Другие авторы более радикальны. Так, Ларри Алан Зидентоп не только уверяет, что государства не было нигде: ни в древности, ни в средневековье, ни даже в XVII—XVIII вв. (!); по его мнению, государство непременно «предполагает равноподданническое положение всех его подданных как основу их специфических прав и обязанностей, обеспеченных правовой санкцией», оно может быть основано только на идеях эгалитаризма и индивидуализма. А потому соответственно, *государства и сейчас нет по сути нигде, кроме как на Западе.* Зидентоп убежден, например, что выражение «исламское государство» внутренне противоречиво, поскольку в нем смешаны «несовместимые понятия» (*Зидентоп Л.* Демократия в Европе. М., 2004. С. 101, 103—104, 110).

²⁸ Марк Блок так писал о западноЕвропейских государствах-королевствах времен феодализма: «[...] и город, и деревня, сколько бы ни было споров, кому они принадлежат, зависели всегда только от одного из спорящих королевств, тогда как внутри них один господин мог вершить верховный суд, другой распоряжаться своими сервами, третий иметь цензитариев и собирать с них арендную плату, четвертый собирать десятину. Другими словами, и земля, и человек могли иметь множество хозяев, и это было нормально, но король был всегда один» (*Блок М.* Феодальное общество. М., 2003. С. 374).

²⁹ См., например: *Кревельд М. Ван.* Указ. Соч. С. 510 – 512.

³⁰ Шмитт так кратко изложил концепцию Бодена: «Подлинный суверен не знает над собой никого, кроме Бога» (*Шмитт К.* Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. М., 2005. С. 45).

сия с их стороны либо обходясь без него, и ограниченно самостоятельно, то есть автономно от государства, государственной власти, применять в их отношении власть.

4.

Проблема, однако, в том, что и с государственным суверенитетом не все так просто и однозначно.

Во-первых, как сказано, любое государство обязательно устанавливает правопорядок, регламентирующий, в том числе, осуществление государственной власти. Правопорядок, *которым оно всячески ограничивает себя как суверена, ограничивает свое право на конечные и последние решения.*³¹

Во-вторых, неизбежное вступление в международное (межгосударственное) общение – заключение договоров, участие в деятельности международных организаций и т. п. – автоматически влечет *ограничение суверенитета обязательствами перед другими суверенами, которые тоже ограничивают свои суверенитеты*, то есть влечет «десуверенизацию». Государства создали межгосударственный правопорядок, способный развиваться и давно развивающийся в надгосударственный, частично делегировали на межгосударственный или надгосударственный уровень принятие конечных и последних решений³². Это стало очевидным в последние полтора столетия, когда сфера межгосударственного, а затем глобального регулирования неуклонно расширялась.

Вообще чем больше права, тем меньше суверенитета.

Но кроме права (которое, в конце концов, исходит от самого государства и может быть им пересмотрено и пр.) государство так или иначе ограничено моральными и нравственными нормами, культурными традициями, политическими обычаями, наконец, всей политической, социальной и экономической *реальностью*, заставляющей принимать одни решения и непременно воздерживаться от других.

---

³¹ В «шмиттовской» чрезвычайной ситуации правитель или правители объективно обязаны выйти за рамки действующего правопорядка ради сохранения государства. «Законничество» (следование нормам, уже неэффективным и объективно неприемлемым) будет не просто неуместным, но безнравственным и прямо преступным.

³² Неомарксисты Антонио Негри и Майкл Хардт, впечатлившись масштабом и результатами глобализации, выдвинули концепцию «*Empire*». Они описывают ее как «де-центрированный и детерриториализованный, то есть *лишенный центра и привязки к определенной территории* [курсив Негри и Хардта. – В. И.], аппарат управления, который постепенно включает все глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы». «Аппарат управления» образуют ряд «национальных и наднациональных органов», то есть властные аппараты ведущих держав, в первую очередь западных (но не только западных!), международных организаций (Всемирная Торговая Организация и пр.) и, конечно, транснациональные корпорации. Они объединены единой логикой управления и выступают носителями «*глобальной формы суверенитета*» [курсив мой. – В. И.]. «Империя становится политическим субъектом, эффективно регулирующим эти глобальные обмены, суверенной властью, которая правит миром. [...] Различные национальные цвета на карте мира времен традиционного империализма размываются и сливаются в радугой глобальной империи» (Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 11 – 12). Проблема «Империи», на мой взгляд, в том, что она, если угодно, «недостаточно субъектна». Коллективный носитель власти, властитель должен быть более-менее консолидирован, а здесь же предлагается поверить в довольно рыхлого, расплывчатого «суверена». Да, глобализация создала *глобальную элиту*, которая вполне объединена представлениями о некоей «единой логике управления». Да, государства «десуверенизируются», точнее, продолжают «десуверенизовываться». Однако они все же остаются и в обозримой перспективе останутся основными политическими акторами, что бы ни утверждали их либеральные и левые «могильщики». Не стоило бы преувеличивать степень готовности и способности межгосударственных объединений создавать эффективные механизмы глобального управления. Накопленный опыт достаточно противоречив, и это, пожалуй, комплиментарная оценка. А те же транснациональные корпорации, несмотря на реальные и приписываемые амбиции, нуждаются в государствах, сообща формирующих глобальные, но неоднородные рынки (труда, капитала). Или, если угодно, задающие эту «неоднородность». Корпорации существуют (и зарабатывают свои прибыли) главным образом за ее счет. Они, несомненно, системно влияют на политику правительств, но не способны, да и, по большому счету, не стремятся их подменять. С другой стороны, в мире достаточно сил, заинтересованных в успехе «глобально-имперского» проекта, вполне «угаданном» Хардтом и Негри, сил, много делающих и уже сделавших для его воплощения. И из идейных соображений, и из сугубо корыстных *Новую Вавилонскую башню* они никогда не построят, но нельзя игнорировать сам факт строительства. Кризис, начавшийся в 2008 г., безусловно, заставил их внести коррективы в свои планы. Но только коррективы...

Тогда придется еще раз повторить: *если суверен ограничен кем– или чем-либо, кроме Бога, божественных установлений, то он a priori перестает быть сувереном. Самоограничение – тоже ограничение, оно тоже отменяет суверенитет.*

Выдающийся критик понятия суверенитета, католический мыслитель Жак Маритен писал о трех его значениях:

1) государство обладает абсолютной независимостью по отношению к другим государствам, никакой «международный закон» не может быть воспринят непротиворечивым образом; и «эта абсолютная независимость неотчуждаема (*неотвергаема*) [выделено здесь и далее Маритеном. – В. И.]»;

2) государство принимает не подлежащие обжалованию решения, обладая «абсолютно высшей [земной. – В. И.] властью» («и эта абсолютная власть суверенного государства [...] над народом тем более неоспорима, что государство принимают за [...] персонификацию самого народа»);

3) государство реализует власть *неподотчетно*.³³

Можно поспорить с маритеновскими определениями. Но зачем? он лишь последовательно «до конца» раскрыл и развил классические определения. Жан Боден, например, писал: «la souverainete nest limitee, ny en puissance, ny en charge, ny a certain temps» («суверенитет не ограничен ни во власти, ни в обязанностях, ни определенным временем»)³⁴. «Comme la nature donne à chaque homme un pouvoir absolu sur tous ses membres, le pacte social donne au Corps politique un pouvoir absolu sur tous les siens, et c'est ce même pouvoir qui, dirigé par la volonté générale, porte [...] le nom de souveraineté» («Подобно тому, как природа наделяет каждого человека неограниченной властью над всеми членами его тела, общественный договор дает Политическому организму неограниченную власть над всеми его членами, и вот эта власть, направляемая общею волей, носит [...] имя суверенитета») – это уже слова Жан-Жака Руссо³⁵. И т. д. Можно сказать, что Маритен «додумал» за классиков, ведь, например, Боден смягчал свои радикальные базовые тезисы различными оговорками, призванными упредить интерпретацию его концепции как апологии деспотизма³⁶. Но «додумать» в данном случае означает «выделить суть». Любые попытки «ограничивать», смягчать, «урезать» понятие суверенитета, выявлять его «относительность» неизбежно заводят всякую дискуссию о нем в тупик. В таком случае понятие просто обесмысливается. Суверенитет же тотален, обязан быть тотальным, если его «фрагментировать», он «перестанет быть».

Шмитт был прав, подчеркивая децизионистскую сущность суверенитета. Однако он сужал теоретическое право суверена действовать свободно от установленных прежде ограничений до права принимать соответствующее решение в исключительной ситуации. Да, понятно, что в исключительной ситуации государство может и обязано проявлять себя сувереном, игнорировать собственный и межгосударственный правопорядок, понятно, что благодаря исключительной ситуации раскрывается та самая децизионистская сущность. Но в «обычном» своем состоянии государство все равно пребывает несuverенным. А «спящий» до исключительной ситуации суверенитет оказывается в общем-то «относительным» суверенитетом, «не вполне суверенитетом», а значит, «несуверенитетом». Тотальность же суверенитета выражается, призвана выражаться в том числе в его регулярности.

Приведу достаточно радикальную аналогию. Раб в исключительной ситуации способен и даже обязан освободиться и действовать как полностью свободный человек. И исключительность ситуации в данном случае помогает понять и объяснить сущность свободы. Но «освобо-

³³ Маритен Ж. Человек и государство. М., 2000. С. 54 – 55.

³⁴ Bodin J. Op. cit. L. I. Ch. viii. P. 124.

³⁵ Rousseau J. – J. Op. cit. L. II. Ch. IV. P. 63.

³⁶ См. подробнее: Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены в преемственности развития западноЕвропейской монархии раннего Нового времени. М., 2003. С. 145 – 148.

дительный» потенциал не делает раба свободным. Не случись исключительная ситуация, он проживет жизнь и умрет рабом.

С другой стороны, «абсолютный» суверенитет Бодена, Руссо и пр., *подлинный суверенитет есть абсолютный фантазм. Ни одно государство никогда не обладало таким суверенитетом, то есть не обладало суверенитетом*³⁷. Даже, например, такое «абсолютное» государство, как империя Цинь Шихуан-ди (259 – 210 гг. До н. э.)³⁸. Открыто заявляя с позапрошлого века о своем суверенитете, государства одновременно ставят себя в правовые рамки (конституционные, законодательные, договорные и пр.). А ведь есть еще моральные рамки, культурные, обычные, есть жизненная реальность, тоже задающая рамки, и очень жесткие.

По этой причине в действительности вместо суверенитета государства могли добиться, добивались и добиваются лишь *автономии*, то есть – в данном случае – *ограниченного, относительного верховенства, независимости и самостоятельности*. То, что им угодно называть эту автономию «суверенитетом», не освобождает теорию от обязанности вносить ясность.³⁹

Государство, раз оно ограничено, раз оно самоограничивает себя, не суверенно, у него нет суверенитета, оно не суверен.

И поэтому остается два выхода.

Первый – объявить суверенитет фикцией, фетишем, отказаться от этого понятия. Для этого есть все основания. Такой путь очень легкий и по нему идут многие. Но как тогда отличать государства от «негосударств»? на чем строить политический порядок, пространственный порядок?

Второй – *разделять формальный (номинальный) суверенитет*, то есть декларацию, ставшую необходимой с XIX в., примерно соответствующую приведенным выше теоретическим определениям, нормативно закреплённую и оформленную, и *фактический суверенитет*. Если задуматься ответственно, то станет понятно, что второй выход – на самом деле единственный.

---

³⁷ Норберто Боббио писал, что государство с неограниченной властью есть «è lo stato nella sua essenza, lo stato al momento della sua origine ideale dal caos dello stato di natura» («государство по существу государство в момент его идеального возникновения из хаоса естественного состояния») (Bobbio N. La crisi della democrazia e la lezione dei classici//N. Bobbio, G. Pontara, S. Vesa. Crisi della democrazia e necontrattualismo. Rome, 1984. P. 15 – 16). Добавлю – теоретическая фантазия.

³⁸ Циньский Китай, организованный на основе доктрины легизма, был не только «абсолютным», но и «предельно правовым» государством.

³⁹ Один из ведущих советских юристов-государствоведов сталинского призыва Иосиф Левин высказался, по-моему довольно откровенно: «[...] абсолютного суверенитета никогда не было и не могло быть. Это – категория метафизического порядка или плод воображения. *Границы суверенитета* [выделено мной. – В. И.] существовали всегда; они определялись экономическими условиями, развитием международного общения государств и морально-политическими требованиями исторической эпохи. Эти границы менялись вместе с изменением всех этих факторов» (Левин И. Д. Суверенитет. М., 2003. С.15)

5.

О фактическом суверенитете следует говорить как о *претензии, имеющей божественную санкцию, ибо всякая власть – от Бога*⁴⁰, и Он пожелал и позволил, чтобы государства существовали. Претензии политической организации на территориальное верховенство, независимость и самостоятельность во внешних и внутренних делах. Претензии на статус высшей земной инстанции, на принятие конечных и последних решений. Претензии, выражающейся в том числе в провозглашении формального суверенитета. Претензии, которая в полном (то есть в описанном в классической теории суверенитета) объеме никогда не реализуется и реализоваться не может, однако все равно должна непременно отстаиваться всеми возможными и допустимыми способами. Претензии, дающей при ее успешном подтверждении и внешнем признании ту или иную степень автономии.

Таким образом, не суверенитет делает государство государством, но претензия на суверенитет.

Конечно, понятие суверенитета было известно не всегда. Как и, собственно, понятие государства. В аграрную эпоху государство зачастую непосредственно персонифицировал правитель (правители). Государство рассматривалось как собственность правителя, как «состояние личного господства и достоинство правителя», как территория, контролируемая правителем⁴¹. И он распоряжался им соответствующим образом. Точнее, то, что сейчас определяется как государство, тогда рассматривалось как собственность и пр.⁴²

Не суть важно, какие слова, понятия и доктрины использовались в прежние эпохи, важно, что тогда существовали территориальные политические организации, государственные аппараты, право. Разные, но существовали.

Древние и средневековые (аграрные) империи Востока и Запада – от египетской до османской, от римской до священной римской – не нуждались во внешнем признании своего верховенства, независимости и самостоятельности и, естественно, ни от кого не требовали такого признания. Более того, многие из них провозглашали свою полную самодостаточность, исключительность, универсальность (универсальную верховную власть, универсальное верховенство) и пр. Но никогда этого в полной мере не добивались – поскольку были неизбежно вынуждены вступать в равноправные договорные отношения, – сталкиваясь с другими империями и т. д.⁴³. Другое дело, что, во-первых, их соседи, особенно те, которые испытывали на себе имперское давление, фактически признавали за империями то, что мы теперь называем суверенитетом. Во-вторых, они, а также страны, втянутые в имперские «миры», стремились по возможности и при необходимости подражать империям, то есть провозглашать и отстаивать собственное аналогичное верховенство, независимость и пр. *Империи подавали суверен-*

⁴⁰ Ислам также по общему правилу рассматривает власть как богоустановление. «Поистине, Аллах дарует Свою власть, кому пожелает» – так сказано в Коране (2:248). Там же: «О Боже, царь царства! Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимаешь власть, от кого пожелаешь, и возвеличиваешь, кого желаешь, и унижаешь, кого желаешь» (3:25).

⁴¹ Хархордин О. Что такое «государство»? Русский термин в Европейском контексте//Понятие государства в четырех языках/Под ред. О. Хархордина. СПб. –М., 2002. С. 173—174.

⁴² Собственническое отношение к государству у правителей и иных властвующих часто проявлялось и в последующие эпохи, включая нашу. Видимо, это нечто имманентное государственной власти. В этой связи криминализация коррупции или по крайней мере отдельных ее видов представляется делом как минимум неоднозначным. Известны примеры чрезвычайно коррумпированных правителей, поддерживавших свои государства в практически «идеальном» состоянии («идеальном», понятно, не относительно каких-то универсальных образцов, а относительно состояния государств, имевших схожие стартовые условия, проблемы и пр.) Я имею в виду в частности Эль-Хаджа Омара Бонго Ондимбу, успешно правившего Габоном в 1967 – 2009 гг. И прославившегося поистине эпической коррумпированностью.

⁴³ Первый международно-правовой акт, содержание которого нам известно, – Договор о мире, дружбе и союзе, заключенный в 1270 г. До н. э. фараоном Рамсесом II и хеттским правителем Хатуссили.

ный пример. В итоге появлялись новые империи или государства «неимперского» типа, с чьими претензиями старые империи как минимум считались.

В средневековой Европе помимо священной римской империи, заявлявшей о себе как о наследнице, а точнее, продолжательнице римской империи, и настаивавшей на универсальном верховенстве своего императора в христианском мире (и борющейся с папством, также претендовавшим на универсализм)⁴⁴, всегда были королевства и иные государства, частично

⁴⁴ Нас учат, что в IV в. Римская Империя была разделена на Восточную и Западную. И что Западная Римская Империя прекратила свое существование в V в. Однако, во-первых, в IV в. Империя не делилась и оставалась единой, хотя и управлялась двумя автономными друг от друга соимператорами. Во-вторых, в V в. была ликвидирована не Западная Римская Империя (каковая есть не более чем выдумка историков), а императорская власть на Западе. Империя сохранила единство. Восточный римский император остался один. Крещенные конунги и рексы варваров, расселившихся по римским владениям, рассматривались как субправители. И многие из них действительно признавали формальное верховенство императора. Другое дело, что о фактическом подчинении зачастую и речи не шло. В этой связи, пожалуй, можно говорить, что тогда имелись две римские империи – «малая» и «большая». Первая – государство императора, то, которое мы называем Византией. Вторая – христианский мир, сообщество, включавшее Византию и остальные христианские государства и «недогосударства». В нем император был не правителем, а духовно-политическим, сакральным лидером, по возможности арбитром и т. д. В VI в. при Юстиниане I Великом (527—565 гг.) «малая» Империя вернула себе непосредственный контроль над частью западных территорий. Однако о том, чтобы восстановить государство в прежних границах, и речи не могло быть. К концу VII в. Византия, ослабевшая из-за религиозных и политических смут, потеряла почти три четверти своей территории в войнах с арабами, германцами, славянами и пр. В VIII в. Императоры Исаурийской династии сумели остановить растаскивание «малой» Империи. Однако, будучи еретиками, они развязали иконоборческий террор, что привело к новому кризису. От Константинополя начал дистанцироваться Римский (Западный) Патриархат, тогда еще православный, выступавший единственной интеграционной силой на Западе. Одновременно имперские владения на Апеннингах взялись захватывать лангобардские рексы. Рим их тоже, конечно, интересовал. Западные патриархи (римские папы), в свою очередь, стали искать помощи и защиты у франкских правителей, весьма усилившихся к тому времени. Их тесное сотрудничество в конечном счете вылилось в присоединение Рима к франкским владениям и «восстановление» на Западе императорской власти. В 800 г. В Риме папа Лев III (795—816 гг.) короновал императорской короной *rex Francorum* Карла I Великого (771—814 гг.), к тому времени объединившего под своей рукой значительную часть Западной Европы (и в том числе завоевавшего Лангобардию). Карл получил титул *Imperator Romanorum* «право» считаться преемником римских императоров не только на Западе, но и на Востоке. Это обосновывалось тем, что на момент его коронации в Константинополе не было императора (в 797 г. был свергнут Константин VI, трон захватила его мать Ирина; римская же традиция, как и тогдашняя христианская, исключали принадлежность верховной власти женщине). Однако Карл, вполне осознавая как минимум недостаточную легитимность своей коронации, долгое время предпочитал официально называть себя то «управляющим Империей августом», то «королем франков, управляющим Галлиями, Германией и Италией», и пр. А когда спустя годы все же решился использовать императорский титул, старательно избегал ссылок на «римство». Тем более что еще 802 г. В Константинополе пришел к власти Никифор I (802—811 гг.). В самой Византии законность нового титула Карла то признавали, то не признавали. С существованием в мире второго императора там окончательно смирились лишь спустя века. Императорский титул не доставил Карлу Великому никакой дополнительной власти в его государстве – он и так, будучи «только» рексом, являлся фактически суверенным правителем. Новых владений коронация в Риме ему тоже не добавила (бывшую столицу августов прихватил еще его отец Пипин III Короткий). *Regnum* Карла был и остался субъектом, членом «большой» Империи. С другой стороны, повысился его персональный статус в ней. Было сакрально подтверждено и закреплено лидерство франкского монарха на Западе, установлено его формальное верховенство над всеми западными правителями как в светских, так и в духовных делах. Обретение Западом собственного императора совместилось с началом духовного и политического размежевания с Византией из-за спора о *fioque*, выливавшегося во взаимные обвинения в ереси (Карл, кстати, был убежденным пропагандистом *fioque*) и пр. Пока франкское государство объединяло большую часть Западной Европы, проблем с реализацией императорских прав, обязанностей и претензий практически не возникало. Но уже внуки Карла разделили королевство на три части, новые королевства потом тоже дробились. И те короли, которые получали императорский титул с середины IX в., имели куда меньшие ресурсы и влияние, чем Карл. В этих условиях на лидерство и даже верховенство на Западе стали претендовать и папы. Папа, формально избиравшийся римским духовенством и аристократией, был предстоятелем западной церкви. Однако он ее практически не контролировал – инвеститура (утверждение, введение в должность и владение соответствующими землями) епископов и аббатов практически повсеместно осуществлялась королями (земли же церковь держала от них). Они также часто определяли кандидатов на епископские должности, участвовали в церковных выборах и т. д. Кроме того, безусловно признавая сакральными фигурами, короли в целом управляли церковными делами в пределах своих владений, сочетали светскую власть с духовной. Правда, папа автономно правил Римом и некоторыми другими территориями, последовательно входившими в состав королевств Карла и его потомков (Каролингов). Но главный ресурс папы, понятно, составляла отнюдь не его светская автономия. Он обладал общепризнанным духовным авторитетом и он короновал императора. Более того, от папы теоретически зависел сам выбор императора. То есть он мог короновать любого западного короля, которого нашел пригодным для императорской миссии. Николай I Великий (858—867 гг.) даже выдвинул папоцезаристскую доктрину, согласно которой папа, будучи якобы одновременно *rex et sacerdos*, передает императору свою светскую власть, включая военную. То есть папа стоит выше императора. Со всеми вытекающими последствиями. Дробление франкского государства (и увеличение числа королей) действительно было дало папам возможность выбирать удобных им императоров. Однако в конце IX – начале X в. Запад и непосредственно Италию сотрясали постоянные междоусобицы. Само папство в этот период сделалось «призом» в борьбе итальянских аристократических родов. В итоге он достался Теофилак-

или полностью от нее независимые – Франция, Англия, Венгрия, Венеция, Польша и др.⁴⁵.

там, представители этого рода правили Римом и распоряжались папским престолом и авторитетом до середины X в. Дальше центральной Италии их интересы обычно не простирались. В 961 г. Восточнофранкский, то есть германский, король Оттон I Великий из дома Людольфингов (936—973 гг.) по призыву теофилактского папы Иоанна XII (937 – 963 гг.) предпринял поход в Италию. Он установил контроль над северными и центральными регионами страны и уже в 962 г. был коронован в Риме *imperator Romanorum et Francorum*. В исторической литературе утверждается, что Оттон Великий сформировал *Sacrum Imperium Romanum*, объединив Восточнофранкское, то есть Германское, и Итальянское королевства (в дальнейшем в эту империю влили еще и Бургундское королевство). Хотя данное название вошло в употребление не раньше XIII в. И первоначально оно применялось не к германо-итальянскому государству а к «большой» Империи. Сам Оттон I же, по всей видимости, не претендовал ни на что большее, чем на посильное восстановление status quo времен Карла Великого. А вот уже его внук Оттон III (983–1002 гг.) мечтал о лидерстве в «большой» Империи, грезил об ее «renovatio», именовал себя *Romanorum imperator augustum*, то есть аналогично византийскому императору. При преемниках Оттона Великого постепенно закрепился следующий порядок. Во главе государства, устроенного как феодальная федерация, стоял выборный монарх, носивший титул короля римлян (*rex Romanorum*, в исторических источниках этого монарха также называют германским королем, римско-германским королем и пр.). Он и только он имел право претендовать на императорский статус, получение которого по-прежнему зависело от воли папы. А тот мог отказаться короновать короля или обставить коронацию некими условиями. (Этот порядок в основе своей функционировал до XVI в., когда папы разрешили королям римлян одновременно именоваться избранными императорами и использовать императорский титул, не будучи коронованными папами). Король выбирался правителями наиболее значительных немецких субъектов имперской федерации – курфюрстами (династическую преемственность, однако, часто соблюдали; императоры при жизни могли добиться избрания своих сыновей или других наследников королями римлян, то есть соправителями, с XV в. королевский статус стал de facto наследоваться представителями дома Габсбургов). Германо-итальянскому монарху выборному, зависящему от папы, было объективно трудно добиваться сакрально-политического лидерства в западном мире и тем более верховенства над ним. Даже такой выдающийся император, как Фридрих I Барбаросса из дома Гогенштауфенов (1152—1190 гг.), реализовывал свои претензии лишь частично. Для прочих универсальное лидерство и верховенство оставалось недостижимой мечтой. Идея единства «большой» Римской Империи умирала по мере углубления духовного раскола между Византией и Западом. В конечном счете Запад стал считать себя отдельной (а после Великого раскола в 1054 г. – единственной истинной) христианской общностью. Основанное Оттоном государство оказалось прочнее, чем королевство Карла. И оно вполне сгодило на роль новой «малой» Империи, которая-де должна была водить за собой в христианском мире (вместо Византии, якобы погрязшей в ереси). Отсюда, в частности, концепция «translatio imperii», мол, империя передавалась «по эстафете» от римлян к грекам-византийцам, затем прошла через франков и в конце концов досталась немцам. Далее в этой сноске я буду говорить об Империи, имея в виду уже только германо-итальянскую феодальную федерацию. Зависимость от папства императоры компенсировали активным участием в выборах и смещениях пап (Иоанна XII Оттон Великий, кстати, сместил за предательство). Более того, Конрад II (1024 – 1039 гг.), чтобы поднять свой престиж, объявил себя «Vicarius Christi» (прежде «заместителями Христа» назывались только папа и другие епископы) и т. д. Но в 1073 г. Святой престол захватил (именно захватил) амбициозный кардинал Гильдебранд, принявший имя Григория VII (1073—1085 гг.). Его энергии хватило на то, чтобы запустить радикальную реформу римской церкви (иногда ее резонно называют «Papstrevelution»), одной из составляющих которой стало лишение королей права инвеституры и пр., а императоров – также права как-либо участвовать в выборах пап (к тому времени уже был введен формальный порядок выборов пап собранием кардиналов). Он также утверждал, что все христианские государи, включая императора, должны безусловно повиноваться папе и что тот вправе низлагать их. Папство решило лишить монархов права управлять церковью в их собственных владениях (в обоснование указывалось, кроме прочего, на тот факт, что ни император, ни короли не являлись клириками) и чуть ли не опустить их до уровня сугубо светских правителей и одновременно заявило претензию на универсальное верховенство как в духовных, так и в светских делах, на собственную вселенскую теократию. Была предпринята попытка развернуть на базе церкви папистскую государственную организацию. Григорий VII, забыв поучения апостола, дошел до того, что объявил королевскую власть чуть ли не порождением сатаны: «Кто не знает, что короли и князья ведут свое начало и происхождение от тех, которые не знали ничего о Боге, но с гордостью, хищничеством, коварством, убийством, короче, преступлениями всякого рода приобрели власть от князя века сего, именно – от дьявола, чтобы со слепой страстью и невыносимой неправдой господствовать над подобными себе?» (цит. по: Стасюлевич М. М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. В 2 т. Пг., 1915. Т. II. С. 786). Добиваясь покорности от монархов, папы, начиная с упомянутого Гильдебранда-Григория, использовали свое право на интердикт (отлучение от церкви). В последующие века папы перманентно боролись с королями-императорами и другими монархами за верховенство, за инвеституру, за итальянские земли и пр. Императоры отвечали, в том числе теологически-идеологически. Фридрих Барбаросса и его придворные разработали доктрину, согласно которой император обладал божественным мандатом (выборность этому несколько не мешала, якобы мандат просто передавался через электоров), выступал «заместителем Христа», а коронация его папой носила ритуальный, едва ли не технический характер, и, следовательно, ни о каком подчинении императора папе не могло быть речи. Аналогичные концепции составлялись и при английском дворе (см.: Андреева Л. А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. М., 2007. С. 105 – 106, 110 – 111). Французский король Луи IX Святой (1226—1270 гг.) провозглашал: «li rois ne tient de nullui fors de Dieu et de lui» («король является держателем лишь у Бога и самого себя») (см. подробнее: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 248) и т. д. Папы добились частичной передачи себе инвеституры (по конкордатам XII в. С императором, королями Англии и Франции они закрепили за собой ее духовный компонент, т. е. полномочие утверждать епископов как пастырей и т. д.), существенно усилили свой контроль над церковью. Отдельные короли стали признавать себя папскими вассалами. Понтификам удавалось играть значительную роль в переделах территорий и корон. Наиболее преуспел в этом деле Иннокентий III (1198—1216 гг.), который сумел закрепить за собой и своими преемниками титул «Vicarius Christi» (лишив его остальных католических епископов) и внедрить концепцию «богочеловечества» пап. Он

Ряд государств с течением времени непосредственно выделились из империи (швейцарские и итальянские республики и пр.).

Историю современной суверенной практики отсчитывают с вестфальского мира 1648 г., поставившего точку в тридцатилетней войне (в ней участвовали император священной римской империи, субъекты империи, объединенные в конфессиональные коалиции, Дания, Испания, Франция, Швеция) и якобы разделившего империю на десятки новых государств⁴⁶. Современную систему международных отношений, основанную на всеобщем суверенном равенстве, даже именуют «вестфальской». Между тем, вестфальский мир, во-первых, зафиксировал не только территориальные уступки империи в пользу главных победителей⁴⁷, но и изменение ее внутреннего устройства через существенное расширение автономии субъектов. О соблюдении имперского суверенитета говорить не приходится. Во-вторых, вопреки расхожему мне-

---

писал, что Империя находится в распоряжении папства «*principaliter et finaliter*». Потому что папы произвели ее «*translatio*» и потому что они императоров благославляют, коронуют и инвестируют (см. *Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе*. М., 2009. С.217 – 218). Его продолжатель Бонифаций VIII (1294—1303 гг.) сам не стеснялся называться «императором» и публично надевать на себя знаки императорского достоинства. В 1302 г. Он издал буллу «*Unam Sanctam*», в которой свел в единую доктрину все старые и новые пап о цезаристские идеи. Во владении церкви якобы находятся два меча, духовный и светский. Первым она пользуется сама, а второй передает королям и воинам. Поэтому светская власть обязана во всем слушаться церковь, быть ей поднадзорной и подсудной. И вообще: *подчиненность всякого человеческого существа папе есть необходимое условие для спасения души!* Однако никакой вселенской теократии у них все же не получилось. Проект похоронили уже в начале XIV в. Причем не императоры, а французские короли. Те в 1309 г. Навязали понтификам свой патронат (папская резиденция даже была перенесена в Авиньон, «*пленение*» продолжалось почти 70 лет). Впрочем, на базе папских владений удалось создать независимое от Империи *Stato Ecclesiastico* (оно пережило два подъема – в XII—XIII вв., а затем в XV—XVI вв.). Как бы то ни было, но в процессе отстаивания своих универсалистских претензий и «*собирания земель*» папство многократно дискредитировало себя, окончательно впало в ересь и натурально переродилось. Это стало одним из факторов, спровоцировавших в XVI в. Реформацию, покончившую с духовной монополией католицизма на Западе... Империя проиграла еще раньше. Борьба с папством и его союзниками отняла слишком много сил. Шаг за шагом были потеряны многие итальянские владения и ряд других территорий. С конца XIII в. *Sacrum Imperium Romanum*, если угодно, перестала быть империей, начала съезжаться в сугубо немецкое королевство. Престиж королей-императоров, подорванный папской агитацией, сильно упал. Габсбурги Максимилиан I (1486 – 1519 гг.) и Карл V (1519 – 1558 гг.) пытались реанимировать имперский проект и централизовать феодальную (точнее, уже постфеодальную) федерацию. Им многое удалось. Но из-за Реформации Империя утратила церковное единство. Религиозные конфликты и войны воспрепятствовали дальнейшей централизации и т. д. После Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.) она стала превращаться в полуконфедеративное-полуконфедеративное объединение (см. Далее). Но вернемся назад. В XI—XII вв. частичная десакрализация королевских монархий, «*общее*» сужение королевской власти в отношении церкви, усилия пап по превращению последней в общеаппаратную государственную организацию спровоцировали компетенционную (и во многом подражательную) экспансию королей на другие политические организации – вассальные владения, городские коммуны и пр., опосредованно поспособствовали ограничению и в перспективе преодолению партикуляризма, то есть стимулировали централизацию и укрепление западноевропейских государств (Сицилии, Франции, Англии) и их прав о порядков (см. подробнее: *Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования*. М., 1994. С. 378 – 383). Тогда же начала постепенно складываться доктрина суверенитета. Одной из первых «*букв*» в ее сложном «*алфавите*» стал принцип «*rex est imperator in regno suo*» (известны другие версии формулировки, не меняющие сути) – «*король есть император в своем королевстве*», из которого следовало королевское полновластие. Принято считать, что его разработали в XII—XIII вв. католические канонисты и глоссатор Ацо (см., например: *The Cambridge history of medieval political thought. 350–1450*. Cambridge, 1988. P. 363). Этот принцип «*затачивался*» против императоров, а в конечном счете оказался обращен и против пап. Первым монархом, который применил его в своей правотворческой практике, был король Сицилии Федерико I из дома Гогенштауфенов (1198 – 1250 гг.), один из самых последовательных борцов с папством. На этом принципе основан его *Liber augustalis* (Мельфийские конституции) 1231 г. (см., например: *Kantorowicz E. H. The king's two bodies. A study of mediaeval political theology*. Princeton, 1997. P. 97—98). Надо, впрочем, учесть, что Федерико I одновременно был королем римлян (с 1212 г.) и императором (с 1220 г.) – под именем Фридриха II. В дальнейшем на принцип «*rex est imperator in regno suo*» опирались и другие монархи. Наиболее прославился король Франции Филипп IV Красивый (1285 – 1314 гг.), именно ему выпало «*наказать*» распоясавшегося Бонифация VIII и «*пленить*» папство. Заслугу внедрения принципа «*rex est imperator in regno suo*» иногда ошибочно приписывают его легистам.

⁴⁵ В X в. Английские короли Этельстан (924—939 гг.) и Эдгар (959—975 гг.) называли себя императорами. Их примеру последовал Кнуд I Великий (1016—1035 гг.), со временем ставший королем также Дании и Норвегии. В X—XII вв. короли Астурии, Леона, Кастилии и Наварры использовали титул *Imperator totius Hispaniae*. Объявляя себя императорами, короли закрепляли свое верховенство, соответственно, в Англии или Испании и свою независимость. С XVI в. Русские монархи стали титуловаться царями. Царский («*цезарский*») титул был равен императорскому.

⁴⁶ Мирные договоры были подписаны 24 октября 1648 г. в Мюнстере и Оснабрюке.

⁴⁷ Франция и Швеция территориально приросли за счет Империи. От последней также были окончательно отторгнуты Швейцария и северные Нидерланды.

нию, суверенитета за субъектами не признали. Государствами они не стали. Их автономия, как сказано, расширилась, но они были связаны обязательством не заключать договоры, входящие в противоречие с императорскими интересами и т. д. Империя сохранилась как федеративное (государственное) объединение. Вестфальский мир «не стал для нее революцией», он не создал «принципиально нового политического порядка»⁴⁸. (Хотя, конечно, центр тяжести сместился на субъектовый уровень и в дальнейшем по мере усиления отдельных курфюршерств, в частности Пруссии, империя начала трансформироваться в объединение полуконфедеративное-полуконфедеративное⁴⁹). В-третьих, нельзя игнорировать тот безусловный факт, что любые международные обязательства предполагают и влекут ограничение суверенитета. И те, что были установлены вестфальскими договорами, – не исключение, разумеется.

По моему мнению, история Европейской (не античной, а именно Европейской) суверенной практики – это цепочка сложных и подчас противоречивых событий, включающая не только тридцатилетнюю войну и вестфальский мир, но и как минимум многовековую централизацию Европейских государств, включая великое княжество Московское, Царство русское, сопряженную с борьбой с универсалистскими проектами римско-германских королей и императоров и римских пап (и с борьбой самих этих проектов), реформацию и религиозные войны, а также Французскую революцию, революционные и наполеоновские войны, венский конгресс и т. д. А непосредственно современная суверенная практика началась никак не раньше 1945 г., когда была создана организация объединенных наций (ООН).

Ученые и публицисты, анализирующие процессы «десуверенизации» в XIX—XXI вв., как приветствующие «умИрание» государства, так и скорбящие по поводу его скорой «кончины», обычно исходят из уверенности в том, что некогда прежде государства были суверенными. Но ни одна эпоха суверенов не породила. У государств получалось лишь *стремиться к суверенитету*. Признание этого факта делает любые камлания у «одра» государства неуместным витийством. Конечно, к суверенитету *стали стремиться меньше*, но, во-первых, не все сплошь, во-вторых, ни одно мало-мальски состоявшееся государство еще не самоупразднилось и никто о подобных планах даже не заявляет.

Формальный суверенитет государства нуждается в *провозглашении и внешнем признании*⁵⁰. Фактический должен быть *подтвержден и также признан вовне*, точнее, должен *регулярно подтверждаться и регулярно же признаваться*⁵¹. Признание, разумеется, в обоих слу-

⁴⁸ Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555—1648 гг. СПб., 2002. С. 330.

⁴⁹ В XVIII в. это стало свершившимся фактом. Вольтер заявлял, натурально издеваясь, что она, дескать, уже и не «священная», и не «римская», и не «империя». А Самуэль фон Пуфендорф и вовсе назвал ее «монстром»... В 1804 г. Император Франц II, реагируя на учреждение императорского правления в республиканской Франции и захватнические планы Наполеона I относительно Германии, провозгласил себя императором в своих наследственных владениях (Австрии, Богемии, Венгрии и пр.). Таким образом, он создал новое государство (Австрийскую Империю). Точнее завершил создание – фактически его сформировали в XVII—XVIII вв. А в 1806 г., будучи совершенно бессильным остановить наполеоновскую экспансию, Франц II распустил Sacrum Imperium Romanum (в его последнем манифесте говорится про Deutsches Reich).

⁵⁰ В международном праве различается официальное признание *de jure* (полное и окончательное признание), выражающееся, в первую очередь, в установлении дипломатических отношений (обмене дипломатическими представительствами и пр.), признание *de facto*, как правило, не влекущее установления дипломатических отношений, реализуемое путем участия признаваемых субъектов в международных конференциях, многосторонних договорах, международных организациях, и признание *ad hoc* – временное или разовое признание.

⁵¹ Тут уместно процитировать Гегеля: «[...] ein Staat ist folglich gegen den anderen in souveräner Selbständigkeit. Als solcher für den anderen zu sein, d. i. von ihm *anerkannt zu sein*, ist seine erste absolute Berechtigung. Aber diese Berechtigung ist zugleich nur formell und die Forderung dieser Anerkennung des Staats, bloß weil er ein solcher sei, abstrakt; ob er ein so an und für sich Seiendes in der That sei, kommt auf seinen Inhalt, Verfassung, Zustand an, und die Anerkennung, als eine Identität beider enthaltend, beruht ebenso auf der Ansicht und dem Willen des anderen» («[...] каждое государство обладает суверенной самостоятельностью по отношению к другому. Быть таковым *для другого*, то есть быть *признанным* им, есть его первое абсолютное право. Но вместе с тем это право лишь формально, и требование государством этого признания только потому, что оно есть государство, абстрактно; есть ли оно в самом деле нечто в себе и для себя сущее, зависит от его содержания, строя, состояния, и признание как содержащее в себе тождество обоих моментов столь же зависит от воззрения и воли другого государства»). И далее (в примечании): «Sowenig der Einzelne eine wirkliche Person ist ohne Relation zu anderen Personen [...], so wenig ist der Staat ein wirkliches

чаях осуществляется другими государствами – другими территориальными политическими организациями с аналогичными претензиями. Следует понимать, что *любое признание потенциально отзываемо*.

Претензию на суверенитет необходимо подтверждать наличием сильной власти, которая пользуется лояльностью и поддержкой народонаселения, контролирует заявляемую территорию и эффективно управляет ею. Государство обязано внутри себя поддерживать спокойствие, стабильность и порядок, подавлять конкурирующие проявления силы, а вовне успешно защищать свои границы и утверждать себя в качестве равноправного партнера, союзника, конкурента или гегемона.⁵²

В этом смысле суверенитет не только претензия, но и *практика*. Подтверждать суверенитет значит *практиковать* его.

Individuum ohne Verhältnis zu anderen Staaten... Die Legitimität eines Staats und näher, insofern er nach außen gekehrt ist, seiner fürstlichen Gewalt ist einerseits ein Verhältnis, das sich ganz *nach innen* bezieht (ein Staat soll sich nicht in die inneren Angelegenheiten des anderen mischen), – andererseits muß sie ebenso wesentlich durch die Anerkennung der anderen Staaten *vervollständigt* werden. Aber diese Anerkennung fordert eine Garantie, daß er die anderen, die ihn anerkennen sollen, gleichfalls anerkenne, d. i. sie in ihrer Selbständigkeit respektieren werde, und somit kann es ihnen nicht gleichgültig sein, was in seinem Innern vorgeht» («Так же как единичное, человек не есть действительное лицо вне его отношения к другим лицам [...], так и государство не есть действительный индивид вне его отношения к другим государствам... Легитимность государства и, конкретнее, поскольку оно обращено вовне, легитимность его государственной власти есть, с одной стороны, отношение, которое полностью обращено *вовнутрь* (государство не должно вмешиваться во внутренние дела другого государства), с другой стороны, эта легитимность должна столь же существенно быть *дополненной* признанием других государств. Но это признание требует гарантии, что государство в свою очередь признает государства, которые должны признать его, то есть будет уважать их самостоятельность, а тем самым им не может быть безразлично то, что происходит внутри его») (*Hegel G. W. F.* Op. cit. S. 337—338; *Гегель Г. В. Ф.* Указ. Соч. С. 365).

⁵² Здесь я использовал (усилив) некоторые формулировки Юргена Хабермаса. Оригинальный текст такой: «Суверенно лишь такое государство, которое может внутри себя поддерживать спокойствие и порядок, а вовне *de facto* защищать свои границы. Во внутренних делах оно должно умело подавлять конкурирующие проявления силы, а в международных утверждать себя в качестве равноправного конкурента» (*Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. М., 2001. С.201 – 202). Нужно учитывать, что Хабермас, будучи критиком суверенитета, в этом тезисе излагал, разумеется, не свою точку зрения, а некое «общее мнение» (основанное, по его уверениям, на идеях Карла Генриха Маркса и Максимилиана Карла Эмиля Вебера). Как и в случае Маритена, неприятие идеи суверенитета не помешало выделить суть и облечь ее в емкие формулировки...

6.

Таким образом, *государство есть территориальная политическая организация, формальный суверенитет которой признан, а фактический регулярно подтверждается и признается.*

Можно утверждать, что едва ли не самый эффективный способ подтвердить свою претензию на суверенитет – *всяческими доступными путями вторгаться в дела других государств, навязывать им свою волю, то есть подавлять чужие суверенные претензии.* В прежние эпохи, когда государства признавали за собой право на войны, в том числе на войны агрессивные, все было наглядно. Хотя в наш век *soft power* и «гуманитарных вмешательств» ничего принципиально не изменилось⁵³. Способность к войне (в широком смысле), к ведению войны, к нападению (и защите) была, остается и останется *«способностью к суверенитету».*

Те государства, которые систематически влияют на политику других государств, культивируют их зависимость от себя, и тем более те, которые имеют «сателлитов», «клиентов», формируют вокруг себя коалиции, ведут успешные войны и т. п., именуется *державами.* Те, которым удается диктовать державам, называются *сверхдержавами.* Есть три основных компонента державного превосходства – военный, экономический и культурный. Когда-то было достаточно военного превосходства, в последние века державность немислима без превосходства экономического.

Здесь я считаю нужным кратко разъяснить различие между державой (сверхдержавой) и империей. Сакрализация понятия империи бессмысленна (она была более чем оправдана в конкретных исторических случаях, но теория обязана от них абстрагироваться). *Империя есть не более чем государство, стремящееся к территориальному расширению, к внешней экспансии и добившееся на этом пути значительных успехов, вобравшее в себя либо подчинившее значительные территории и многие народы.* Логика имперского развития такова, что приостановка или прекращение экспансии влечет практически немедленное разрушение империи, «деимпериализацию». Хотя по инерции такое государство продолжает именоваться и считаться империей⁵⁴. *Империи нельзя противопоставлять национальному государству,* были

⁵³ «Гуманитарное вмешательство», одностороннее или многостороннее, государственное или межправительственное, осуществляется с использованием вооруженных сил или дипломатического давления [выделено мной. – В. И.] для прекращения существенных нарушений прав человека, ставящих под угрозу жизнь множества людей» (Бенгати М. Право на вмешательство – смысл и значение// <http://www.hrights.ru/text/b6/Chapter7.htm>). Доктрина гуманитарных вмешательств основывается на специфическом толковании Устава ООН 1945 г. (<http://www.un.org/ru/documents/charter/index.shtml>) и Декларации Генеральной Ассамблеи ООН о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г. (<http://daccessdds.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/351/54/IMG/NR035154.pdf?OpenElement>). «Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций» – гласит п. 4 ст.2 Устава. А в Декларации говорится, что «ни одно государство или группа государств не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние или внешние дела любого другого государства. Вследствие этого вооруженное вмешательство и все другие формы вмешательства или всякие угрозы, направленные против личности государства или против его политических, экономических и культурных основ, являются нарушением международного права». Утверждается, что Устав и Декларация запрещают вмешательство, направленное против территориальной целостности и политической независимости. А вмешательство с целью защиты прав человека, в первую очередь права на жизнь, не только не запрещено, но, по сути, предписано всем корпусом «право-человеческих» международных актов. «Гуманитарная катастрофа» (голод, эпидемия, геноцид и пр.) никогда не может считаться чисто внутренним делом того или иного государства. И международное сообщество (читай – державы) обязано вмешиваться ради ликвидации ее последствий, предотвращения эскалаций. На практике, естественно, гуманитарные вмешательства осуществлялись и осуществляются не только и подчас не столько ради борьбы с гуманитарными катастрофами, но и для решения политических и экономических задач и /или поддержания державного статуса.

⁵⁴ Можно называться империей и таковой не являться и, соответственно, не принимать этого названия, но быть империей по факту. Например, Бразилия с 1822 по 1889 г. Именовала себя империей, по сути, не имея для этого оснований. Франция в XVII—XX вв. была империей вне зависимости от того, называлась ли она королевством, республикой или империей.

и есть имперские нации. Соединенные Штаты Америки (США) представляют собой идеальный пример национального государства, ставшего империей. СССР был империей, до определенного времени небезуспешно развивавшейся по пути национального государства и т. д.

Любая империя – держава, но не любая держава – империя.

Другой способ подтверждения суверенитета, также эффективный, – *следование по пути самоизоляции или хотя бы проведение внешней политики, демонстративно основанной на примате собственных интересов над «мировыми», «общечеловеческими»*. Этому весьма способствует идеологизированность государства, то есть последовательная приверженность его власти, его правителей некоей оригинальной идеологии. Чем больше она расходится с мировым mainstream'ом, тем сильнее будет эффект. Вряд ли требует доказательств тезис, что по факту «наиболее суверенными» в современном мире являются такие государства, как Китай, Иран, Саудовская Аравия, а также некоторые другие мусульманские страны. И, конечно, Северная Корея.⁵⁵

США используют в своей политике оба способа – и результат более чем очевиден. Они сейчас единственная сверхдержава.

---

⁵⁵ См. подробнее: *Гришин Л. Е.* Национальный суверенитет в век глобализации // Суверенитет. Трансформация понятий и практик / Под ред. М. В. Ильина, И. В. Кудряшовой. М., 2008. С. 120—121.

7.

Из сказанного следует, что в современном мире территориальная политическая организация может быть суверенной формально, а фактически не претендовать на суверенитет или претендовать безуспешно, и значит, *формально считается государством, а фактически таковым не является. И, напротив, претендовать на фактически суверенитет, но формально оставаться несuverенной, то есть быть фактическим государством, фактически признаваться, но не признаваться формально. Для практического международного права и практического права вообще, разумеется, имеет значение в первую очередь формальный суверенитет, формальный государственный статус.* Практическое право мало заботится о том, является ли территориальная политическая организация государством в реальности, для него куда более важна та данность, что официально оно признается государством другими государствами. Практическое право занимается формальными государствами. Но формальное государство – это подчас *еще не или же вовсе не государство.* За формой отнюдь не всегда обнаруживается необходимое содержание.

Политика же диктуется как раз содержанием. Предъявление, подтверждение, признание, подавление, размен и сдача суверенных претензий образуют основу политики. Но не будет преувеличением сказать даже, что *без формального признания порой затруднительно претендовать на признание фактического суверенитета и подтверждать свои претензии на фактический суверенитет.*

Поэтому *государство как таковое есть единство фактического государства и формального государства,* суверенных претензий и официального признания, политического содержания и правовой формы.

Всеохватывающие критерии фактической «негосударственности» и «недогосударственности» сформулировать достаточно трудно. Хотя, по моему мнению, не может идти речи о фактическом суверенитете, когда «государство» из-за своей бедности, интеллектуальной, технологической и инфраструктурной отсталости и т. д. пребывает в постоянной политической и экономической зависимости от других государств, международных организаций или транснациональных корпораций, когда правители «государства» нуждаются в «утверждении» своей легитимности правителями держав, руководством международных организаций, а также когда большая часть «государственной» территории оккупирована либо реально контролируется повстанцами, криминальными группировками и т. д. Уже введено специальное понятие «failed state» («неудавшееся государство»). Под него, в частности, подпадают некоторые африканские страны, в первую очередь сомали: от тамошнего государства осталось буквально одно название.

Невозможно говорить о государстве и в случае принудительного ограничения суверенитета согласно уставу ООН, в частности, в ответ на развязывание войны или с целью ликвидации угрозы миру (глава VII), когда государство формально не лишается статуса государства, но формально временно «поражается в правах», а следовательно, фактически временно перестает быть государством.

Теперь о формальном государстве. В XIX в. Сложилась *конститутивная* теория государственного признания, согласно ей признание сообщает государству международную субъектность, то есть способность полноценно реализовывать свой суверенитет. Ласса Францис Лоренц Оппенгейм так сформулировал ее суть: «Международное право не говорит, что государство не существует до признания, но оно не замечает его до признания. Только и исключительно благодаря признанию государство становится международным лицом и субъектом международного права».⁵⁶

⁵⁶ Oppenheim L. International Law. A Treatise. Vol. I. Peace. New Jersey. 2005. P. 135.

Такой подход мог бы работать в том случае, если бы существующие государства всегда и во всем вырабатывали консолидированную позицию, образовывали своего рода «клуб» с общими едиными правилами приема. А как быть, если одни государства признают некую территориальную политическую организацию равной себе, а другие категорически отказываются это делать? ведь право признавать либо не признавать чужой суверенитет – одно из важнейших следствий суверенитета.

Поэтому уже в XX в. появилась *декларативная* теория государственного признания. Она утверждает, что государство приобретает субъектность самостоятельно и признание не конституирует, но лишь констатирует возникновение нового субъекта международного права. Декларативная теория в отличие от конститутивной даже получила нормативное закрепление. В Межамериканской конвенции о правах и обязанностях государств (Конвенции Монтевидео) 1933 г.⁵⁷ говорится, что существование государства, а следовательно, и его международная субъектность, не зависят от их признания другими государствами (ст. 3). Там же приводится единственное международно-правовое определение государства, а точнее, четыре его признака: 1) постоянное население; 2) определенная территория; 3) собственная власть; 4) способность к вступлению в отношения с другими государствами (ст. 1). В принципе, способность вступать в отношения с другими государствами можно и должно толковать в смысле получения признания с их стороны. (тогда данный признак придется признать факультативным – раз признание в декларативной теории играет вспомогательную роль.)

Впрочем, и конститутивная теория не утверждала, что до признания государства нет. По крайней мере, некоторые ее разработчики специально оговаривали это. Она лишь «не замечала» существования непризнанного государства.

Декларативная теория, в свою очередь, также обнаружила изъяны. Из нее же следует, что любая мало-мальски настойчивая территориальная политическая организация может и должна считаться государством, субъектом международных отношений. Последовательное применение этой теории грозило бы полной дестабилизацией международного порядка.

Однако доктрина и даже международные договоры – это одно, а обычное международное право и современная политическая и правовая практика – другое. И, обобщая последнюю, можно сделать однозначный вывод: *государство без формального признания другими государствами, причем в первую очередь державами, полноценно функционировать не способно.*

Противоречие конститутивного подхода оказалось во многом преодоленным, когда была образована ООН (точнее, по мере принятия в организацию большинства признанных государств – территориальных политических организаций, признаваемых государствами в 1950 – 1960 гг.⁵⁸). Да, эта *общегосударственная* организация неполномочна решать вопросы о признании или непризнании государств. (в неофициальном разъяснении ООН о вступлении в нее в качестве государства-члена говорится: «Признание нового государства или правительства – это акт, который могут совершить или отказаться совершить только государства и правительства. Как правило, оно означает готовность установить дипломатические отношения»⁵⁹. ООН «не обладает никакими полномочиями признавать то или иное государство или правительство. Являясь организацией независимых государств, она может принимать в свои члены новые государства или принимать полномочия представителей нового правительства»⁶⁰.) но принятие государства в ООН производит генеральная ассамблея *по рекомендации* совета Безопасности, ключевую роль в котором играли и играют его постоянные члены, наделенные правом вето, то есть российская Федерация – до 1991 г. СССР, США, Китайская народная республика (кнр)

⁵⁷ <http://www.oas.org/juridico/english/treaties/a-40.html>.

⁵⁸ В настоящее время в ООН входит 192 государства-члена.

⁵⁹ <http://www.un.org/russian/question/faq/fs2.htm>.

⁶⁰ Там же.

– до 1971 г. Китайская республика (на Тайване), Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Французская Республика. Без их согласия принятие в организацию невозможно. То есть каждый из них должен признавать это государство (или быть готовым к признанию⁶¹). То есть членом ООН нельзя стать, не получив перед этим признания ведущих мировых держав (или некое обещание признания). То есть принятие предполагает их консолидированное признание. Поэтому совершенно логично, что членство в организации стало «квалифицирующим» признаком формального государства. Согласно обычному международному праву и текущей практике.⁶²

*Международное признание в действительности конституирует даже не международную субъектность, а формальный суверенитет в целом, формальный государственный статус как таковой. Принятие в ООН конституирует его окончательно.*⁶³

Однако признание можно отозвать, а членство в организации и даже в совете Безопасности аннулировать. Это, в частности, проделали с Китайской республикой. Она претендует на суверенитет, она почти всеми признается фактически. Но она не имеет формального государственного статуса. Формальное признание всего 23 государств (причем второстепенных) его обеспечить не способно.

Известны и другие реальные случаи, когда территориальные политические организации суверенны фактически, не будучи формально суверенными. Они тоже претендуют на суверенитет, провозгласили его официально, но по тем или иным причинам не получают официального признания со стороны других государств или же признаются только некоторыми (немногими) и не допускаются в ООН. Они и называются «непризнанными государствами» (на постсоветском пространстве – Абхазия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Южная Осетия). Большинство из них – *состоявшиеся* фактические государства⁶⁴. Специфика их ситуаций

⁶¹ В 1973 г. в ООН были приняты Германская Демократическая Республика (ГДР) и Федеративная Республика Германия (фрг). Этому предшествовала официальная договоренность руководства СССР, США, Великобритании и Франции о согласованной поддержке заявок ГДР и фрг. При этом, к примеру США признали ГДР только в 1974 г.

⁶² Тезис о том, что членство в ООН является «квалифицирующим» признаком формального государства, находит свое подтверждение применительно к Израилю, который состоит в Организации, хотя и не признается большинством арабских и мусульманских государств.

⁶³ При создании ООН по совокупности политических причин в ее состав были приняты ряд «негосударств» — Украина и Белоруссия (субъекты СССР), Австралия, Канада, Новая Зеландия и Южная Африка (британские доминионы), Индия (британское владение) и Филиппины (американская commonwealth). Членство в Организации не сделало их государствами, поскольку таковыми они никем не признавались. То есть *формальный государственный статус принятия в ООН окончательно конституирует тогда, когда он «предварительно» конституирован признанием другими государствами, в первую очередь державами (и когда полностью оформлено отделение от «материнского» государства, от метрополии)*. Но это признание не может быть произвольным. Оно должно опираться на нормы международного права, в том числе на Устав ООН, фиксирующий принцип территориальной целостности и нерушимости границ государств (п. 4. Ст.2). На процессе против бывшего президента Югославии и Сербии Слободана Милошевича в Международном уголовном трибунале по бывшей Югославии обвинение опиралось на Конвенцию Монтевидео, доказывая государственный статус Хорватии в октябре 1991 – мае 1992 г., то есть между вступлением в силу Декларации о независимости этой бывшей югославской республики и ее принятием в ООН. Таким образом, обосновывался международный характер югославо-хорватского конфликта. Судьи согласились с обвинением. Между тем самопровозглашенная Хорватия была признана США и пр. В нарушение Устава ООН. Другое дело, что потом это беззаконие было легализовано решением о ее принятии в Организацию. В любом случае до мая 1992 г. Хорватия формально не являлась государством.

⁶⁴ Вадим Цымбурский, отталкиваясь от открытой в спорах юристов диалектики факта суверенитета и его внешнего признания, предложил различать «суверенитет факта» (когда реальное властвование закладывает основу внешнего признания суверенитета) и «суверенитет признания» (когда суверенная власть создается признанием со стороны инстанций, на которые не распространяется, – создается как власть формально самостоятельная по отношению к этим инстанциям, имеющая свои «неотъемлемые права», т. е. когда суверенитет рассматривается как функция международного права). «В играх политического суверенитета [...] то или иное право на суверенность берет верх не потому что „так должно быть“, а лишь постольку поскольку мобилизация и конъюнктура дают результат, подходящий под фрейм суверенитета в том или другом из описанных воплощений: с конвертацией или «факта» в «признание», или «признания» в «факт». На языке политики как таковом, если не подменять его языком юриспруденции, бессмысленно утверждать, что суверенитет должен возникать из реальной власти или из принятия субъекта в круг суверенов – политик знает, что на практике бывало, и бывает, и будет как первое, так и второе, по обстоятельствам места и времени» (Цымбурский В. Л. *Идея суверенитета в российском, советском и постсоветском контексте* www.intelros.ru/subject/karta_bud/2445-v.1.—cymburskij.—ideja-suvereniteta-v.html). На мой взгляд, однако, *конвер-*

такова, что в каждой необходимо исключительно индивидуальное решение. Индивидуальное как для каждого признаваемого, так и для каждого признающего.⁶⁵

Если бы признание и принятие в ООН не играло той решающей роли, какую оно играет, то проблемы «непризнанных государств» не существовало бы.⁶⁶

Также нужно напомнить, что в мире были и есть «*несуверенные государства*» – официально признанные мировым сообществом, входящие в ООН и одновременно «частично делегирующие» осуществление своего формального и фактического суверенитета другим государствам (во внешних, оборонных, судебных делах). Это карликовые «исторические» страны (андорра, Монако, лихтенштейн, сан-Марино), бывшие колониальные владения Британской Империи (Сент-Китс и Невис и др.) и подопечные территории США (Микронезия, Маршалловы острова и др.).⁶⁷

Исключительные примеры «непризнанных государств» и «несуверенных государств» исчерпывающе подтверждают и объясняют правило. Мало быть фактическим государством, мало быть формальным государством. Должно обязательно сочетать формальный суверенитет и фактический.

И последнее. Членство во многих международных организациях, включая ту же ООН, само по себе предполагает *отчуждение части формального суверенитета и, разумеется, сокращение фактических суверенных претензий*. Представляется, что развитие Европейского союза (ес), официально к международным организациям не относящегося, переходит или уже перешло ту грань, когда суверенность, а значит и государственный статус его членов перестают

тировать «признание» в «факт» невозможно. «Факт» – он или есть, или его нет. Если политическая организация, пусть даже признанная государством другими государствами и принятая в ООН, не способна подтвердить свои претензии на фактический суверенитет или тем более вообще не претендует на него, то о государстве в полном смысле говорить не придется. Например, признание Косово государством со стороны США и др. Не сделало его государством, точнее, сделало только формальным государством. И то не в полной мере, ведь в ООН оно не принято и вряд ли будет принято.

⁶⁵ В 2008 г. Россия признала формальный суверенитет Абхазии и Южной Осетии, бывших грузинских автономий. Если у первой еще есть некоторые ресурсы для самостоятельного, то есть собственно государственного существования, то у второй таковые полностью отсутствуют. Однако в сложившейся тогда ситуации у нас просто не было иного выбора. В начале 1990-х гг. эти территории *законно* отделились от Грузии (до того как та стала государством), отстаивали свою независимость от нее в вооруженных конфликтах и в конечном итоге стали *фактическими российскими протекторатами* (продолжая официально признаваться мировым сообществом территориальными единицами Грузии). Значительная часть их жителей получила наше гражданство. Попытка Грузии в августе 2008 г. Силовым образом восстановить свой контроль над Южной Осетией вылилась в акты агрессии и геноцида – ее вооруженные силы атаковали наших миротворцев, дислоцированных в Цхинвале, совершили многочисленные убийства мирных российских и южноосетинских граждан и пр. Последующие события, вошедшие в историю как «Принуждение к миру», или Пятидневная война, создали новую политическую реальность, нуждающуюся в соответствующем правовом оформлении. Россия, по понятным причинам, не могла включить Южную Осетию, а тем более Абхазию в свой состав. Но и продолжать номинально признавать их составными частями Грузии тоже было нельзя. Чтобы легализовать постоянное присутствие российских войск и пр., пришлось признать фактические протектораты формальными государствами.

⁶⁶ Предвижу возражения относительно процветающего Тайваня. Допустимо, конечно, полагать, что проблем у него нет. Но только сам Тайвань так, разумеется, не считает. Иначе бы с 1993 г. не предпринимал регулярные попытки вернуться в ООН и не тратил бы огромные средства на фактическую покупку признания у разных мелких государств.

⁶⁷ Через состояние «несуверенного государства», а значит, во всех смыслах «негосударства», в свое время прошли британские протектораты и доминионы (так, Канада стала членом ООН в 1945 г., но окончательную политическую независимость от Лондона обрела лишь в 1982 г.) и аналогичные владения других колониальных империй и т. п. «Несуверенное государство возможно только в союзе с суверенным [то есть с собственно государством. – В. И.], его территория и население должны поэтому занимать двойственное положение: они всегда должны в то же время составлять территорию и население другого государства» – так очень точно высказался Еллинек по поводу современных ему (конец XIX в.) протекторатов и пр. Одновременно он, правда, ошибочно указал на возможность, если угодно, «суверенной зависимости», когда метрополии, протектору предоставлены «только установленные договором полномочия», а не «господство» (*Еллинек Г Указ. Соч. С.706*). Вообще, рассуждения о возможности «внутреннего суверенитета» при отсутствии «внешнего», хотя бы «частичного», представляются верхом абсурда. Если нет «внешнего суверенитета», то нет и «внутреннего» – нет никакого суверенитета. Нет государства. Есть территориальное образование, находящееся под властью государства, но по какой-то причине не включенное в его состав или включенное на неких специфических условиях или уже выводимое из его состава государства (как те же доминионы) либо объективно не способное к государственному существованию, но по совокупности исторических и политико-конъюнктурных причин принимаемое за государство.

быть бесспорными и становятся «дискуссионными»⁶⁸. Чрезвычайно интересна и теоретическая интерпретация ЕС как некоей промежуточной формы между государством и межгосударственным объединением⁶⁹. Впрочем, надо понимать, что Европейская практика специфична до уникальности и в обозримой перспективе не сможет быть никем заимствована.

---

⁶⁸ «Der Bund kann durch Gesetz Hoheitsrechte auf zwischenstaatliche Einrichtungen übertragen», то есть «Федерация может законом передавать свои суверенные права межгосударственным учреждениям» – гласит п. 1 ст. 24 Основного Закона Федеративной Республики Германии (фрг) 1949 г. (<http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/gg/gesamt.pdf>; http://www.constitution.garant.ru/DOC_3864885.htm). Государство провозгласило свое право отказываться от государственного статуса... Прямо противоположный подход изложен в ст. 152 Иранской Конституции 1979 г. (<http://mellat.majlis.ir/archive/1383/10/15/law.htm>): «Внешняя политика Исламской Республики Иран основана на отрицании всяческого господства над Ираном либо со стороны Ирана, сохранении независимости во всех сферах и территориальной целостности, защите прав всех мусульман и непринятии на себя обязательств перед гегемонистскими державами и на мирных взаимоотношениях с государствами, не имеющими враждебных намерений в отношении Ирана». И далее: «Запрещается заключать любой договор, который привел бы к установлению иностранного господства над природными и экономическими ресурсами, культурой, армией и другими сферами жизни государства» (ст. 152 – 153).

⁶⁹ Провалы референдумов по утверждению Договора о введении Конституции для Европы (т. н. «Евроконституции») — в Нидерландах и Франции в 2005 г. и Лиссабонского договора о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества – в Ирландии в 2008 г. привели было к консервации «промежуточного» статуса ЕС. Впрочем, в 2009 г. Ирландия переголосовала и Лиссабонский договор ввели в действие...

II Государственное правление

Государственное правление (правление) есть формальная (и только формальная) организация власти в государстве и, в частности, верховной, высшей власти. При помощи этого понятия определяются формальные источники и носители государственной власти. Им охватываются, в том числе, нормативное распределение компетенции между соответствующими органами и должностными лицами, официальный порядок наделения властью главы государства (наследственный, выборный, назначенческий и т. д.), формирования высшего представительного органа государственной власти – парламента или его аналога и правительства (суды же традиционно не рассматривают в контексте форм правления)⁷⁰, их взаимодействия и т. д. Понятие правления допустимо использовать и при описании формальной организации власти в территориальных образованиях государства (унитарных единицах, субъектах федерации), их главной, основной власти (глава территориального образования, представительный орган, правительство или администрация).

---

⁷⁰ Это бы усложнило, «утяжелило» описания правления, не добавив ничего по сути.

1.

Принято выделять и противопоставлять *монархическую* и *республиканскую* формы правления, *монархию* (греч. *μοναρχία* – единовластие) и *республику*, (лат. *res publica* – общее дело). В наши дни монархии обычно делят на «*абсолютные*» и *ограниченные (конституционные)*, а последние на «*дуалистические*» и «*парламентские*». Республики – на *парламентские, президентские* и *смешанные*, то есть президентско-парламентские и парламентско-президентские.

Как установилась традиция противопоставления монархий и республик?

Античные корифеи, в первую очередь Платон, Аристотель и Полибий, исследуя правление, оперировали только понятиями монархии, *аристократии* (греч. *αριστοκρατία*—власть лучших, власть благородных, власть знатных), *демократии* (греч. *δημοκρατία*—власть народа) и др..⁷¹

Марк Туллий Цицерон писал о «*res publica*», имея в виду, однако, государство. То есть сам он определения республики как государства, конечно, не предлагал, но мы можем в таком ключе интерпретировать его известные формулировки: «"Est igitur⁷² *res publica res populi*", *populus autem non omnis hominum coetus quoquo modo congregatus, sed coetus multitudinis iuris consensu et utilitatis communiione sociatus. Eius autem prima causa coeundi est non tarn inbecillitas quam naturalis quaedam hominum quasi congregatio;⁷³ *Hi coetus igitur hac de qua eui causa instituti, sedem primum certo loco domiciliorum causa constituerunt; quam cum locis manuque saepsissent, eius modi coniunctionem tectorum oppidum vel urbem appellaverunt, delubris distinctam spatiisque communibus. Omnis ergo populus, qui est talis coetus multitudinis qualem eui, omnis civitas, quae est constitutio populi, omnis res publica, quae ut dixi populi res est, consilio quodam regenda est, ut diuturna sit. id autem consilium primum semper ad eam causam referendum est quae causa genuit civitatem*»⁷⁴ («Итак, государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов. Первой причиной для такого соединения людей является не столько их слабость, сколько, так сказать, врожденная потребность жить вместе. [...] итак, эти объединения людей, образовавшиеся по причине, о которой я уже говорил, прежде всего выбрали для себя в определенной местности участок земли, чтобы жить на нем. Используя естественную защиту и оградив его также и искусственно, они назвали такую совокупность жилищ укреплением, или городом, устроили в нем святилища и общественные места. Итак, всякий народ, представляющий собой такое объединение многих людей, какое я описал, всякая гражданская община, являющаяся народным установлением, всякое государство, которое, как я сказал, есть народное достояние, должны, чтобы быть долговечными, управляться, так сказать, советом, а совет этот должен исходить прежде всего из той причины, которая породила гражданскую общину»)»⁷⁵. Если угодно, республика предполагает наличие: 1) коллектива, объединенного общностью интересов и приверженностью правовому порядку, а также владеющего общей собственностью; 2) территории; 3) публичной власти. Таким образом, республика представляет собой территориальную политическую организацию, то есть государство. Учитывая контекст цитаты, такой вывод более чем допустим.⁷⁶*

⁷¹ Аристотель. Политика. Кн. ш. // Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 4. М.; 1984. С. 457; Платон. Государство. Кн. viii. // Платон. Собр. Соч. В 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 327—329; Полибий. Всеобщая история. Т. н. Кн. vi. Спб.; 1995. С. 8—9.

⁷² ...

⁷³ ...

⁷⁴ В классическом русском переводе «*res publica*» переводится как «государство». – В. И.

⁷⁵ *Tvlli Ciceronis M. De Re Pvblica. L. I. Romae, 1822. P. 69 – 72; Цицерон. О государстве. Кн. II/Цицерон. Диалоги: О государстве; О законах. М., 1994. С. 20—21.*

⁷⁶ Олег Хархордин доказывает, что для Цицерона *res publica* – это «материальные вещи и места в общей собственности»

Нужно, однако, учесть, что согласно принятым во времена Цицерона представлениям римская республика – это республика римлян, римских граждан. Перегрины, то есть неграждане (жители присоединенных, покоренных городов и стран), считались и были лишь подданными республики. Иными словами, республика – это, что называется, «малое государство», то есть сугубо государство римлян, которое правило «большим государством», империей, собранной римлянами. Этот дуализм преодолевался в течение нескольких веков по мере предоставления перегирам римского гражданства⁷⁷. И в конечном счете *Res Publica Romana* «растворилась» в *Imperium Romanum*.

Цицероном описывался как теоретический республиканский (государственный) идеал, так и непосредственно римская республика (государство). Правление в республике (государстве), по его мнению, осуществляется либо *rex*’ом (монархия), либо оптиматами (аристократия), либо всем «народом» (демократия)⁷⁸. Вслед за Полибием он полагал, что наилучшее правление получается при смешении элементов монархии, аристократии и демократии и что римская республика практиковала как раз смешанное правление двух выборных консулов, сената и «народа»⁷⁹, притом что монархический элемент на самом деле отсутствовал, по мнению ряда специалистов имела место «смесь» лишь аристократии и демократии⁸⁰. Хотя, наверное, допустимо говорить о смешении элементов диархии (см. Далее), аристократии и демократии. Из этого можно сделать вывод, что республике следует практиковать именно «смешанное» правление, хотя это отнюдь не обязательно. Да, Цицерон этого прямо тоже не утверждал, однако вполне позволительно «вменять» ему и эту идею. Увязка им республики и римского «смешанного» правления позволила спустя столетия провести знак равенства между республикой и римской практикой правления «доимператорского» периода, а затем объявить республику отдельной формой правления. Хотя Цицерон и с таким подходом вряд ли бы согласился.⁸¹

и правовой порядок, обеспечивающий *populus*’у контроль за ними и реальный доступ «к процессам совещания по поводу принятия и применения законов, которые обязательны для всех граждан» («[...] существует связь, объединяющая толпу или собрание в народ, то есть более или менее существует согласие по поводу тех законов, которые связывают всех и позволяют гражданам как городу распоряжаться своей судьбой и своим достоинством»). В обоснование приводятся, в том числе, цицероновские тезисы об отсутствии республики в Сиракузах при тирании Дионисия в 405—367 гг. До н. э. (когда «народу» не принадлежало ничего, когда сам народ принадлежал правителю) и в Афинах при «олигархии Тридцати» в 404 – 403 гг. До н. э. (когда «народу» опять же не принадлежало ничего, когда городом правили беззаконно). «У Цицерона то, что связывает граждан воедино в *res publica*, часто называется *vinculum iuris*, узами закона, и логика здесь достаточно прямолинейна: если нет *vinculum iuris*, уз закона, то нет и *iuris consensus*, согласия в вопросах права, что является определяющим признаком *populus*’а, – то есть тогда мы имеем вместо него некое собрание людей, толпу. Если нет *populus*’а, то нет и речи о том, владеет или не владеет он своей *res* – значит, нет *res publica*» (Хархордин. О. Была ли *res publica* вещью? //http://www.intelros.ru/2007/12/23/oleg_kharkhordin_byla_li_respublicaveshhju.html). С Хархординым можно было бы полностью согласиться, если бы Цицерон не упоминал о *populus*’е в дионисийских Сиракузах (*Tvlli Ciceronis M. Op. cit. L. III. P.262*) и пр. То есть, по его мнению, «уз закона», «согласия в вопросах права», общей собственности и, следовательно, республики там не было в помине, а *populus* имелся. Налицо противоречие, причем не у Хархордина (его можно упрекнуть, вероятно, лишь в невнимательности), а у самого Цицерона. Поскольку он же в своем общем определении республики указал, что *populus* немислим без «согласия в вопросах права» и т. д. Придется предположить, что Цицерон был близок к признанию, что *populus* все же может быть организован и управляться «нереспубликански». Но это сугубая спекуляция, разумеется.

⁷⁷ В 212 г. принцепс Каракалла (211—217 гг.), стремясь повысить доходы казны, предоставил римское гражданство практически всем свободным жителям Империи.

⁷⁸ *Tvlli Ciceronis M. Op. cit. P. 113—116.*

⁷⁹ *Tvlli Ciceronis M. Op. cit. P. 116.*

⁸⁰ См., например: Фриц К. фон. Теория смешанной конституции в античности. Критический анализ политических взглядов Полибия. СПб., 2007. С. 231.

⁸¹ Вернер Шюрбаум так пересказывает цицероновское учение: [...] когда *populus* является *coetus multitudinis iuris consensu et utilitatis communione sociatus* [...], когда обеспечиваются *imperium* правительства, *auctoritas* элиты, выражающийся в *consilium*, и *libertas* народа, то тогда остается пространство для самых разных форм государственного устройства: *regnum*, *optimatum dominatus*, *civitas popularis* или же смешанная форма – все это возможные и легитимные формы *res publica*. Шюрбаум соглашается с Фульвио Кроснара, который обосновал непрерывность существования понятия *res publica* до XI в. Он писал, что государственная история Рима началась с *res publica regia*. Та затем трансформировалась в *res publica consolare* (именно ее во всех классических работах и всех учебниках называют собственно республикой). В императорскую эпоху сменилось несколько *res publicae* (Шюрбаум В. Цицерон: De re publica // *Res publica: история понятия* / Науч. Ред. О. В. Хархордин. С. 201—202).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.